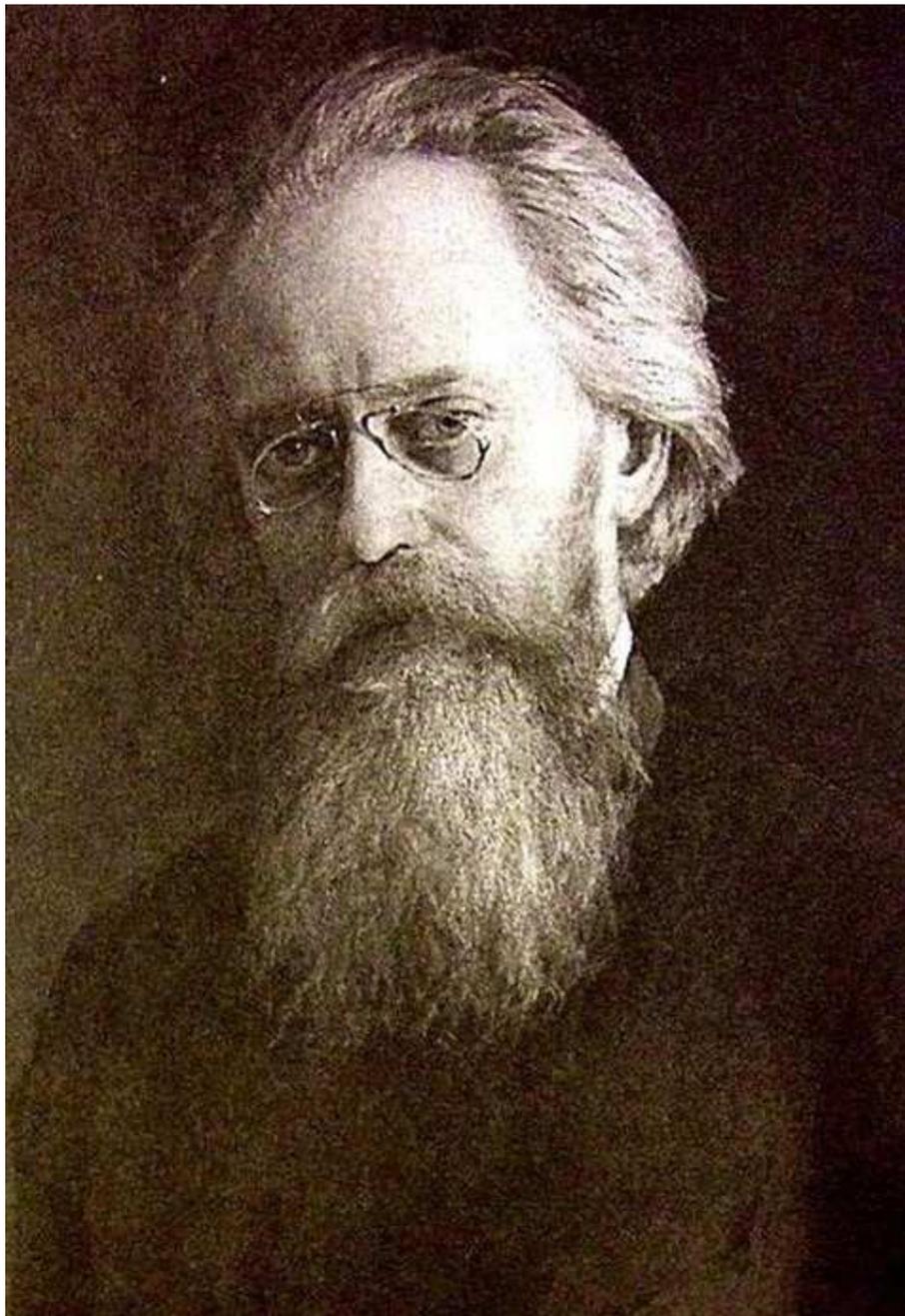

ОЧЕРКИ О Н.К. МИХАЙЛОВСКОМ

Представленные материалы подготовлены П.Г. Щедровицким в рамках проекта «Философия России XX века». Они служат для ознакомления с творчеством философа и для популяризации его работ. Еще одной задачей является сбор редких сведений о мыслителе и анализ малоизвестных тем его творчества.

Все материалы опубликованы на официальной странице П.Г. Щедровицкого в фейсбуке: <https://www.facebook.com/petr.shchedrovitskiy>

А также на официальной странице проекта ВКонтакте:
<https://vk.com/rusphilosophy>

В конце каждого очерка дается ссылка на соответствующий пост в фейсбуке, где, ко всему прочему, часто можно найти дискуссии по теме.

При цитировании или использовании материала упоминание источника обязательно. Все права защищены ©

Официальная страница проекта «Философия России XX века»:
<https://shchedrovitskiy.com/>

Вводный очерк.....	4
Очерк философии. Ч. 1	6
Очерк философии. Ч. 2	9
Взгляды на развитие.....	12
Субъективный метод	15
Теория любви	18
Критика метафизики.....	21
Герои и толпа. Ч. 1	24
Герои и толпа. Ч. 2	27
Литературная критика. Ч. 1	30
Литературная критика Ч. 2	33
Критика Розанова.....	36
Критика символизма.....	39
В контексте эпохи.....	42
Некролог.....	45

ВВОДНЫЙ ОЧЕРК

«Всякий раз, как приходит мне в голову слово "правда", я не могу не восхищаться его поразительной внутренней красотой. Такого слова нет, кажется ни в одном европейском языке. Кажется, только по-русски правда-истина и правда-справедливость называются одним и тем же словом и как бы сливаются в одном великом целом... Безбоязненно смотреть в глаза действительности и её отражению в правде-истине, правде объективной, и в то же время оборонять и правду-справедливость, правду субъективную, - такова задача всей моей жизни. Нелёгкая это задача»

Н.К. Михайловский

Николай Константинович Михайловский родился 27 ноября 1842 года в Мещовске (Калужская губерния). Учился в Петербургском институте горных инженеров. Литературную деятельность начал в 1860 в журнале «Рассвет» под редакцией В. А. Кремпина. Сотрудничал в различных периодических изданиях («Книжный вестник», «Гласный суд», «Неделя», «Современное обозрение»).

С 1868 участвовал в журнале «Отечественные записки». После смерти Н. А. Некрасова (1877) стал одним из редакторов журнала (вместе с М. Е. Салтыковым-Щедриным и Г. З. Елисеевым).

В 1879 сблизился с организацией «Народная воля», его первая встреча с руководителями партии состоялась в библиотеке П. В. Засодимского по адресу Невский, 80. Михайловский публиковал статьи в газете «Народная воля». После закрытия «Отечественных записок» (1884) сотрудничал в журнале «Северный вестник» и «Русская мысль», в газете «Русские ведомости». Высылался из Петербурга (1882, 1891) за связи с революционными организациями. С 1892 один из редакторов журнала «Русское богатство» (совместно с В. Г. Короленко).

Николай Константинович скончался в 1904 году и был похоронен в Санкт-Петербурге на Литераторских мостках Волковского кладбища.

Михайловский известен как социальный философ, идеолог народничества и литературный критик.

В.В. Зеньковский пишет о нем:

«Творческая мысль у Михайловского работала очень сильно — это был ум, способный к широким обобщениям, к смелым построениям, ум глубокий и философски одаренный. Но вся духовная атмосфера, которой с юных лет дышал Михайловский, была неблагоприятна для его научно-философского творчества. Будучи по природе натурой религиозной (в психологическом смысле этого слова), он всецело разделял общую установку секуляризма; ... на этой почве созрел у Михайловского глубокий внутренний надлом. Как у всех религиозных натур, поверивших в правду секуляризма, и у Михайловского его религиозные движения искали выхода в этическом пафосе. Михайловский (как одновременно с ним Достоевский) стал одним из самых ярких и влиятельных проповедников персонализма; философское чутье не позволило ему остановиться на простом «исповедании» персонализма, — и отсюда выросли такие замечательные его статьи, как «Борьба за индивидуальность», «Записки профана»; отсюда выросли и его замечательные построения в социологии. Персонализм у

Михайловского стремится стать мировоззрением, превратиться в философскую систему, но не следует забывать об этическом корне, основном этическом смысле его персонализма.

Из этого же этического корня растет и прославленный его «субъективизм». Михайловский, как и Герцен и Лавров, существенно антропоцентричен; он вообще немало сделал для изучения «тайны человека», но на его антропологию, как и указанных выше мыслителей, в высшей степени сильное влияние имели позитивизм и релятивизм его эпохи. Но, как Лавров, будучи принципиальным релятивистом, усвоил этической сфере черты безусловности и категоричности, так и Михайловский был неуступчив и категоричен в этическом сознании. В Михайловском мы снова (как и у Достоевского) находим бесспорное и глубокое влияние Шиллера, — и именно в его антропологии. Идеал внутренней целостности у Михайловского выражен гораздо конкретнее и ярче, чем у Лаврова. Сам Михайловский так и не смог выйти за пределы позитивизма, чтобы метафизически обосновать моральные искания человека, — и оттого построения Михайловского являются таким же выражением «полупозитивизма», как и воззрения Лаврова».

Основные работы:

«Что такое прогресс?» (1869)

«Аналогичный метод в общественной науке» (1869)

«Теория Дарвина и общественная наука» (1870—1873)

«Борьба за индивидуальность» (1875—1876)

«Записки профана» (1875—1877)

«Герои и толпа» (1882)

«Лев Толстой» (1887)

«Щедрин» (1890)

«Иван Грозный в русской литературе. Герой безвременья» (1892)

«Литература и жизнь» (1892)

В фейсбуке:

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1081084271978469>

ОЧЕРК ФИЛОСОФИИ. Ч. 1.

«Личность никогда не должна быть принесена в жертву, она свята и неприкосновенна, и все усилия нашего ума должны быть направлены на то, чтобы самым тщательным образом следить за ее судьбами и становиться на ту сторону, где она может восторжествовать»

Н.К. Михайловский

Н.К. Михайловский известен как социальный теоретик и персоналист. В центре его философии лежит антропологическое учение, развитое с опорой на позитивистские идеи второй половины XIX века. Неплохое резюме его антропологических воззрений представлено В.В. Зеньковским в труде «История русской философии». Приводим выдержки оттуда:

«Персонализм у Михайловского примыкает в русской литературе к тому, что писал у нас Герцен, Лавров; несомненно также и влияние Прудона, но своеобразие Михайловского заключается в том, что рядом с основной этической точкой зрения он выдвигает с особой силой права личности в борьбе с давлением общества, связывает темы персонализма с метафизикой природы. Личность носит в себе потребность целостности, она не хочет ослаблять или подавлять ни одну сторону в себе. «Личность никогда не должна быть принесена в жертву, — пишет Михайловский, — она свята и неприкосновенна, и все усилия нашего ума должны быть направлены на то, чтобы самым тщательным образом следить за ее судьбами и становиться на ту сторону, где она может восторжествовать». Этот этический императив есть незыблемая и в то же время творческая основа всех идеологических исканий Михайловского, который при всяком разногласии теоретического и морального сознания «тщательно» следит за тем, чтобы защищать начала личности. При этом Михайловский убежден, что в своей глубине теоретическая истина никогда не может подкопаться под истину морального сознания, — и здесь в Михайловском воскресает и по-новому звучит мотив целостности в человеке и целостности в духовной действительности самой по себе...»

«Михайловский — не без иронии замечает Бердяев, — всю жизнь вздыхал по цельной правде и стремился к гармонии, но он не пришел к этой правде и никогда не знал гармонии». Это — верно, но тем знаменательнее, что Михайловский действительно искал всю жизнь двуединую правду, чем бесспорно удостоверяется, что искание целостности было творческой основой его исканий. Во всяком случае, ему надо было бояться не за «объективную правду», значение которой не может быть оспариваемо, ибо она предстает в форме неотменяемых фактов, а за правду субъективную, то есть за правду моральную, от которой так легко отходит наше сознание. Так называемый «субъективизм» в социальном познании, на котором настаивал всегда Михайловский, как раз определялся охраной «двуединой» правды, то есть, в первую очередь, правды моральной, значение которой при изучении социальной жизни так часто забывается. И как раз «личность» и является угрожаемой со всех сторон, в силу этого забвения этического момента...»

«Ум, привыкший к исключительному изучению явлений природы, — пишет по атому поводу Михайловский, — склонен вносить идею железной необходимости, бессудности и в область этики». В этих словах отмечается самый основной и существенный пункт разногласия двух правд — в то время, как в области познания для Михайловского вне спора стоит идея необходимости, в сфере этики центральное значение принадлежит идее свободы. Но одним этим конфликтом не ограничиваются

трудности в охране двудеиной правды. На уверения Кавелина, что объединение теоретической и моральной сферы возможно именно на почве философии, Михайловский отвечает: «я думаю, что это немножко мало. Философия, правда, объединяет представления о сущем и о должном..., но объединяет их только в мысли, а не в жизни. Она не сообщает той религиозной преданности идее, которая одна способна разрушить нравственную рыхлость». Кстати сказать, Михайловский сурово отзывался о разных новейших попытках «создать» «новую» религию: «в этих попытках, — пишет он, — нет существеннейшего признака религии — способности управлять человеческими действиями».

То, что «рядом с потребностью познания становится потребность нравственного суда», не может быть, по мысли Михайловского, до конца осмыслено в философии, — поэтому «двуединство» правды ведет, очевидно, к религиозному пониманию самой правды. Михайловский отчетливо сознавал истинный (религиозный) смысл своих исканий, но он слишком был скован началами секуляризма, чтобы безбоязненно принять церковное христианство. Поэтому его религиозные искания переходят в абсолютирование личности, в безусловный и категорический персонализм: личность становится высшей ценностью, — но только в полноте и целостности жизни. В личности раскрывается ее подлинная и незаменимая сила, лишь когда она владеет всем, — отсюда Михайловский делает неожиданный скачок в сторону релятивизма: личность — абсолютна, все для нее, а не для себя, все ценно лишь в отношении к личности, которая становится истинной «мерой вещей».

Эта позиция получила своеобразное выражение в той оригинальной переработке контовского учения о трех фазисах в развитии человечества, которое развил Михайловский: первая ступень по нему — «объективно-антропоцентрическая» (в которой человек наивно считает себя объективным центром мира), вторая — «эксцентрическая» (в которой центральное значение усваивается объективному миру, которому себя подчиняет человек) и третья — «субъективно-антропоцентрическая» (в которой человек и его этические искания ставятся в центр мира). «Человек может сказать: да, природа безжалостна ко мне, она не знает различия между мной и воробьем, — но я сам буду к ней безжалостен и своим кровавым трудом покорю ее, заставлю ее служить мне, вычеркну зло и создам добро, я не цель природы..., но у меня есть цели, и я их достигну... Ничто не создано для человека, но он сам, силой

своего сознания, становится в центре природы». Поэтому и отпадает понятие «истины в себе», — «нет абсолютной истины, — говорит Михайловский, — есть только истина для человека, — и за пределами человеческой природы нет истины для человека». Понятие теоретического знания сжимается в этом антропологизме, но зато оно

получает для человека уже абсолютное значение, — в виду абсолютного значения самого человека (в этической его сфере).

Персонализм Михайловского приводит его неизбежно к выделению человека из порядка природы, к борьбе его с природой, с так называемым «естественным ходом вещей» (который, по Михайловскому, имеется лишь там, где человек не вмешивается в природу). В этой борьбе с природой нужно до конца осознать не только права личности осуществлять свои цели, но и необходимость преодолеть то раздробление личности, которое создается во второй период истории. «Пусть кто хочет смотрит на меня, как на часть чего-то, стоящего надо мной..., но я не перестаю видеть в себе полного человека, цельную личность, я хочу жить всей доступной мне жизнью, — и только... туда войду сознательно и добровольно, где мне гарантирована цельность, нераздельность, полнота всей жизни». «Благо человека есть его цельность, гармония».

Персонализм расширяется у Михайловского в своеобразную метафизику природы, — в его замечательных этюдах, посвященных вопросу о «Борьбе за индивидуальность». Эту борьбу Михайловский находит в природе всюду в органическом мире, но в человеке эта борьба принимает, по мере развития истории, все более фатальный характер: общество угнетает личность, превращает ее в раба, в «штифтик», лишая ее полноты и цельности. Уже семья, — вообще говоря — половая дифференциация, наносит ущерб цельности в личности; в ряде этюдов Михайловский показывает, как высшие формы индивидуализации поглощают низшие. Личность человеческая, будучи сама высокой формой индивидуализации, встречает уже в семье, а тем более в обществе высшие (в отношении к отдельной личности) формы индивидуализации. «Пусть общество прогрессирует, — пишет Михайловский, — но поймите, что личность при этом регрессирует... Общество, самим процессом своего развития, стремится раздробить личность, оставить ей какое-нибудь одно специальное отправление, а остальные раздать другим, превратить личность из индивида в орган». «Я объявляю, — пишет в другом месте Михайловский, — что буду бороться с грозящей поглотить меня высшей индивидуальностью. Мне дела нет до ее совершенства, я сам хочу совершенствоваться».

В фейсбуке:

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1081914515228778>

ОЧЕРК ФИЛОСОФИИ. Ч. 2.

«Исторический ход событий сам по себе совершенно бессмыслен; личность, а не какая-либо мистическая сила, ставит цели в истории»

Н.К. Михайловский

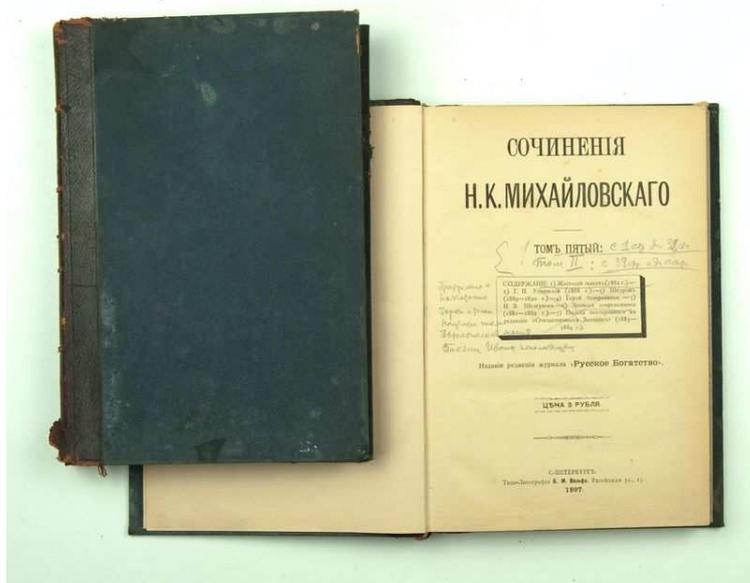
Продолжаем рассматривать антропологические воззрения Н.К. Михайловского. О таких аспектах его теории, как теория субъективизма, субъективный метод и историософия, пишет В.В. Зеньковский в «Истории русской философии». Приводим выдержки оттуда:

«В борьбе за цельность и полноту личности, Михайловский опирается (как и Лавров) на довольно ординарную и неглубокую антропологию. В человеке он даже не ощущает его метафизики, его сокровенной глубины. Так, даже человеческая воля (носитель свободы и ответственности) для него просто «одно из звеньев целой цепи причин и следствий». Чистый эмпиризм в изучении человека несколько расширяется у Михайловского в его замечательных статьях по коллективной психологии — особенно там, где он касается вопроса о функции воображения. Но тем неожиданнее выступает у Михайловского (как у всех полупозитивистов) признание свободы в человеке, как подлинной и реально-творческой силы. Это не просто констатирование того, что человеку «присуще сознание свободного выбора деятельности», — это есть утверждение, что человек действительно может и должен бороться с «естественным ходом вещей». «Не бороться с фатальным ходом вещей предлагают только те и в таких случаях, кому и в каких случаях такая борьба невыгодна»...

*Антропология Михайловского дает слишком шаткую почву для этических претензий его же. По справедливому замечанию Овсяннико-Куликовского, в Михайловском сидел романтик, и этот романтизм как раз и прорывается в категоричности этических исканий и претензий. Но Михайловский пошел и дальше, он явился наиболее ярким выразителем так называемого «субъективного метода» в социальном знании. Это учение надо поставить в параллель к огромному и плодотворному течению в немецком протестантизме и немецкой философии под названием «*Problem d. Werturtheile*». Самое название «субъективный метод», конечно, неудачно, но, как верно заметил Массарик — это есть «неверное обозначение верной вещи». Сущность «субъективизма» заключается в признании того, что оценочный момент «конститутивно», а не «регулятивно», входит в познание человеческой деятельности. По формуле Михайловского, «в области явлений общественных наблюдение неизбежно и теснейшим образом связано с нравственной оценкой». В этой формуле, а не какой-либо иной, нужно видеть самую сущность «субъективного метода», — дело идет о признании того, что чисто-теоретическое, то есть безоценочное восприятие человека и его деятельности просто не дает нам всего того материала, который наличествует в социальных фактах. Оценка, — с точки зрения «интересов», «симпатий» или «идеала», — так же важна для «наблюдения», как вообще в «эмоциональном мышлении» (страх, зависть, вера, любовь и т. п.), впервые мы входим в те стороны в человеке, которые без этого непонятны...*

И так же, как пламенный персонализм соединяется у Михайловского с бедной, даже убогой антропологией, так же и его страстный этицизм соединяется с достаточно убогим пониманием этической сферы: у Михайловского всюду поразителен этот контраст между убогим позитивизмом и глубокими духовными исканиями. Он строил этику «совести» и «чести», — систему секулярной этики, не знающей

религиозного корня, но категорической и непримиримой в своих требованиях. Он требовал слияния и единства теоретической и моральной правды, — и здесь этический пафос, этическая идея достигают у Михайловского исключительной чистоты и силы. Сознание свободы — основной творческий рычаг в человеке, основа его неустанного стремления ввысь («пусть это обман, но им движется история»). Между тем, для Михайловского моральные идеи имеют «опытное» происхождение, всякую метафизику в обосновании морали он без рассуждений отбрасывает, считая, что «нравственный закон существует только в нашем сознании». И именно из этого положения Михайловский делает вывод, позволяющий ему быть защитником (субъективного) этического абсолютизма: «так как природа не имеет целей..., то любой желающий может навязать природе любую цель». С таким шатким основанием этика превращается в род вольного «поэтического» (в смысле этого слова у Аристотеля) творчества, — и для абсолютизма здесь нет оснований.

Вся философия истории у Михайловского, как это было основательно показано Б. Кистяковским, построена на категории «возможности», — причем самая возможность трактуется по-прежнему в терминах чистого субъективизма. Категория «возможности» занимала значительное место в историософских построениях у Герцена (в учении, что Россия может идти в своем развитии иначе, чем развивалась Европа), — и от Герцена и надо вести, собственно, всю школу социологического (точнее,

историософского) «субъективизма». Здесь перед нами пример внедрения в общепhilosophические построения историософских принципов. Мы увидим его кульминационный пункт в так называемой «советской философии». Действительно, ограничение или даже отрицание философского детерминизма требует того, чтобы смягчить или даже отбросить общепhilosophический детерминизм. Мы: видели генезис этих построений у Герцена — у него они были связаны с крахом «панлогизма» Гегеля. У Михайловского категория возможности уже не связана с критикой «панлогизма», а вытекает из общей установки персонализма, из утверждения автономии этических суждений. Этические суждения для полупозитивизма Михайловского связаны с сознанием свободы; эта психологическая (и только психологическая) реальность свободы логически ведет к признанию уже объективной «возможности» (недетерминированности) в личной и исторической действительности. Так этицизм мысли разбивает рамки позитивизма...

Не будем приводить подробностей о том, как развивает Михайловский философию истории на основе категории «возможности», — это превосходно и до конца проделано в упомянутой работе Б. Кистяковского. Но нельзя не отметить ряда прекрасных этюдов Михайловского, посвященных борьбе с «методом аналогии» в социологии, с перенесением дарвинизма в социологию, в частности, с так называемой «органической школой» в социологии (Спенсер и др.). В этих статьях, написанных блестяще и часто очень глубоко, Михайловский расчищает путь для все того же персонализма, для освобождения морального сознания от оков детерминистической

историософии. Он настойчиво подчеркивает антагонизм личности и общества, он проводит очень плодотворное различие «типа» и «степени» развития... Защищая позиции гуманизма, Михайловский не боится сказать, что «далеко неверно, что борьба за существование есть закон природы». И даже более — в духе своего антропологизма, Михайловский высказывает еще более смелое суждение: «исторический ход событий сам по себе совершенно бессмыслен», — и это утверждение историософского алогизма (в духе Герцена) сейчас же восполняется персоналистическим тезисом: «личность, а не какая-либо мистическая сила, ставит цели в истории». Поэтому личность не стеснена никаким фатальным ходом вещей, она имеет «логическое и нравственное право бороться» с «естественным ходом вещей», ибо «право нравственного суда есть, вместе с тем, и право вмешательства в ход событий». Это вмешательство (объективно осуществимое благодаря категории «возможности»), как видим, мотивируется «правом нравственного суда». Примат этических категорий выражен здесь очень ярко.

Тем не менее в общих гносеологических воззрениях Михайловский остается на почве упрощенного позитивизма, не замечая, настолько его основное мировоззрение требует много понимания бытия и познания. Михайловский прежде всего «принимает основные положения о границах познания», защищает «исключительное опытное происхождение всех наших знаний, их относительность и невозможность проникнуть в сокровенную сущность вещей». С наивной самоуверенностью, присущей столь часто позитивистам, Михайловский повторяет чужие безапелляционные слова, что «самые аксиомы оказываются (!) результатом опыта и наблюдения». «Самые отвлеченные идеи, в конце концов, коренятся в чувственном опыте — такова (!) природа человека»; «всегда и везде люди черпали свои познания из внешнего мира». Все эти положения утверждаются, как не подлежащие спору, как достижения «научной философии»; Михайловский был, действительно, послушным последователем Конта, Милля, Спенсера. Он идет, однако, дальше в своем релятивизме и гносеологическом субъективизме; вот, например, типичные для него слова: «для науки... безразлично, истинно или призрачно познание природы само по себе, — важно только, чтобы это познания удовлетворяло требования человеческой природы. Поэтому над вопросом об истине, выше его наука ставит вопрос об условиях человеческой жизни»...«Заменяя слово «истина» словом «удовлетворение познавательной потребности человека», мы имеем дело с критерием истины, который руководил человеком испокон веков». Для Михайловского важна и интересна не «абсолютная» истина, а «истина для человека».

В фейсбуке:

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1082750185145211>

ВЗГЛЯДЫ НА РАЗВИТИЕ

«Мерилом достоинства, прогрессивности всякого союза, кружка, семьи, нации, эпохи, цивилизации является человеческая личность, её свобода, развитие, широта, глубина, целостность, защищенность... О прогрессе можно говорить лишь в той мере, в какой в результате тех или иных событий личность обретает все эти качества. Ни развитие науки и техники, ни подъём промышленности, ни могущество государства сами по себе не могут рассматриваться как прогресс, если они ведут к деградации, разрушению и порабощению личности»

Н.К. Михайловский

Важное место в теоретических воззрениях Н.К. Михайловского занимает теория прогресса, или теория развития. Многие исследователи этого аспекта в наследии мыслителя склонны видеть в ней результат критического осмысления концепции Ч. Дарвина, органицизма Г. Спенсера, биологического закона К. Бэра, тектологических тезисов Э. Геккеля и др. Критикуя Дарвина за узко-биологическое понимание борьбы за существование, Михайловский разрабатывает собственную концепцию, которую он называет «теорией борьбы за индивидуальность». Эта концепция отражена в работах «Аналогический метод в общественной науке» (1869), «Что такое прогресс?» (1869), «Записки профана» (1875). Она подробно рассматривается в статье А.К. Мишинева «“Теория прогресса” П.Л. Лаврова и “формула прогресс” Н.К. Михайловского». Приводим выдержки оттуда:

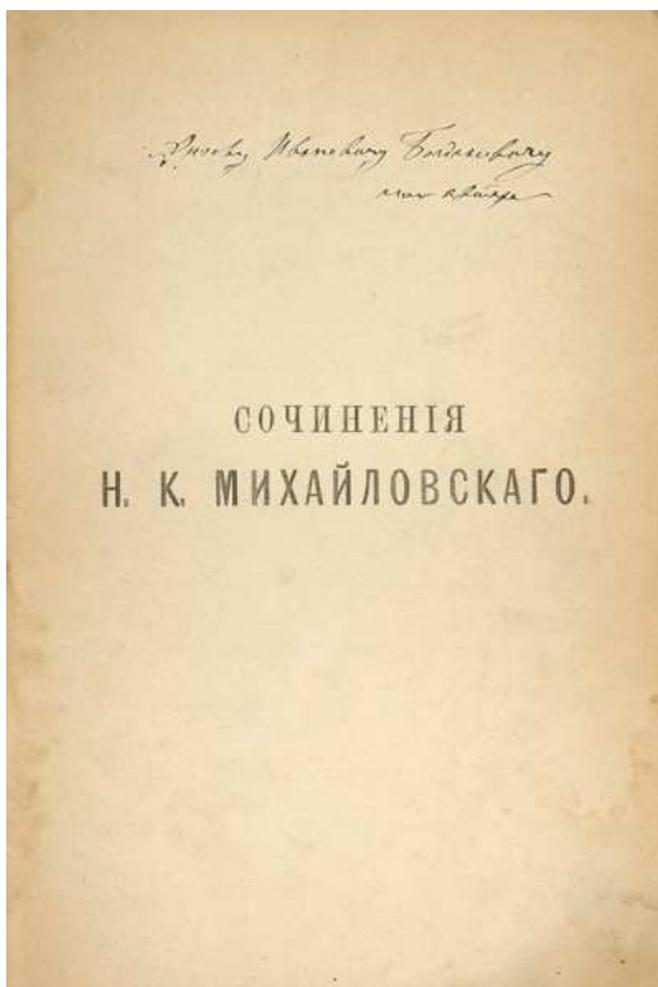
«Исследователь Г.В. Затеева считает, что "теория борьбы за индивидуальность" занимает центральное место в концепции личности Н.К. Михайловского. По мнению исследователя, данная теория связана с выяснением сути прогресса личности и общественного прогресса, а также их соотношения, и выяснением разницы между физиологическим и экономическим разделением труда.

"Теорию борьбы за индивидуальность" мыслитель дополняет тектологическими тезисами Геккеля, которые заключаются в том, что "организм тем совершеннее, чем разнороднее его органическое и гистологическое строение, чем разнороднее функции его составных частей, чем эти части зависимее друг от друга и от всего целого". Геккель выделяет шесть степеней индивидуальности: клеточка, орган, антимера, метамера, организм и колония. При этом интересы каждой индивидуальности противоположны интересам индивидуальностей, находящихся выше или ниже ее. Это объясняется тем, что каждая индивидуальность является составной частью либо поглощает другую индивидуальность. Михайловский больше внимания уделяет последним двум индивидуальностям из этого ряда – организму и колонии. Исходя из своих взглядов на проблему личности, мыслитель не может допустить того, чтобы организм, то есть личность, была поглощена колонией или обществом. Отсюда и название его концепции личности "борьба за индивидуальность", то есть за целостность личности.

По мнению Р.В. Иванова-Разумника, Н.К. Михайловский близок к следующему заключению: результатом борьбы за существование является появление практических типов, в то время как борьба за индивидуальность ведет к образованию идеальных типов личности. С точки зрения степеней и типов развития, борьба за существование приводит к высокой степени развития, а борьба за индивидуальность – к высокому типу развития.

Свою полемику с органической теорией Г. Спенсера Михайловский изложил в работах "Аналогический метод в общественной науке" (1869) и "Что такое прогресс?" (1869). Суть теории Г. Спенсера состоит в том, что существует один и тот же закон развития в органической и общественной жизни. Прогресс рассматривается им как движение "от простого к сложному путем последовательных дифференцирований". По мнению Михайловского, это в дальнейшем приводит к разнородности в обществе и однородности отдельно взятой личности. Результатом процесса дальнейшего дифференцирования является одностороннее развитие какой-либо одной функции личности. И, следовательно, личность находится под угрозой превращения в "винтик", в убогую, недалекую, необразованную. Такие личности образуют общественное объединение, разнородное по своему характеру.

Также Н.К. Михайловский указывает на тот факт, что Г. Спенсер не различает индивидуального прогресса личности и прогресса самого общества. Многие исследователи вполне согласны с замечаниями Михайловского в отношении Г. Спенсера.

Таким образом, Н.К. Михайловский видит, что, когда общество находится в прогрессе, личность – в регрессе. Следовательно, общество – первый враг личности, которое "самим процессом своего развития стремится подчинить и раздробить личность... превратить ее из индивида в орган". Развитие личности и прогресс общества исключают друг друга. В свою очередь, личность должна бороться за свою самостоятельность и разносторонность. Возникает вопрос по поводу того факта, что все же общественная жизнь расширяет видение мира личности. Мыслитель признает наличие двух процессов, из которых иногда побеждает один, а иногда – другой. Такую же интерпретацию мы находим у А.П. Казакова.

Однако некоторые исследователи, например, Р.В. Иванов-Разумник, не могут вполне согласиться с такой постановкой вопроса как "борьба личности и общества". Это обусловлено тем, что на протяжении всей истории человечества общество и личность непрерывно находятся в процессе взаимодействия.

Следует заметить, что, например, В.В. Блохин указывает еще на одну ошибку Г. Спенсера: отсутствие представления о физиологическом и экономическом разделении труда.

В.В. Блохин отмечает, что понятие "разделение труда" Михайловский рассматривает в рецензии на труды А. Смита, в работах "Теория Дарвина и

общественная наука", "Дневник читателя", "Еще раз о Дюргейме" (1897). В.В. Блохин делает вывод о том, что мыслитель в разделении труда видит причину дисгармонии в обществе, противоречия интересов различных социальных групп. В категорию "общественного разделения" Н.К. Михайловский вкладывал широкий смысл, не сводя при этом названную категорию ни к техническому аспекту, ни к классовому. Этим термином он выразил механизм отчуждения личности, объективное противоречие истории как процесса развития человеческого общества".

Однако Михайловский видит путь преодоления подобной дисгармонии. Решение проблемы обозначается им в теории о формах кооперации. Эта теория опирается на критическое отношение ко взглядам на схожую проблематику Э. Дюркгейма.

По словам В.В. Блохина, под "кооперацией" мыслитель понимает "определенный тип социальной связи, существующей между людьми и определяющий качество отношений в социуме". Он выделяет две формы кооперации: простую и сложную.

Под простой кооперацией Н.К. Михайловский понимает такую форму общественного устройства, где личности имеют одинаковые интересы, один и тот же уровень развития и выполняют схожие функции. Отличительными чертами такой формы кооперации является равное положение личностей относительно друг друга и их солидарность, обеспечение "полноценного физиологического развития" личности. Мыслитель отдает предпочтение именно этой кооперации, поскольку она наиболее приближена к его представлениям об общественном идеале.

В форме сложной кооперации Михайловский видит корень общественного зла, так как она характеризуется наличием разделения труда, что в свою очередь ведет к расслоению общества на разные социальные группы по уровню доходов. Эти различные группы ведут непрекращающуюся борьбу за власть, которой пронизана вся история человечества. В таком обществе нет места какой-либо солидарности.

Что касается вопроса о физиологическом и экономическом разделении труда, то эти два процесса исключают друг друга. Под "физиологическим разделением труда" понимается распределение функций между органами одного человека, а "экономическое разделение труда" означает разделение труда между личностями. По Н.К. Михайловскому, за счет усложнения экономического разделения труда происходит ослабление физиологического разделения труда...

По Михайловскому, общество в процессе своего развития усложняется, человечество увеличивает объем знаний о мире, отдельно взятая личность приобретает свою специализацию. Тем самым эта личность сужает свой кругозор, она получает одно какое-нибудь специальное отправление и превращается в орган. И таких личностей очень легко подчинить одной воле, установить зависимость одних от других. Михайловский призывает к независимости личности посредством овладения различными науками, ремеслами, чтобы ослабить или вовсе ликвидировать такую зависимость.

Таким образом, Н.К. Михайловский выступает против крайней специализации, считая, что она способствует оскудению человеческой личности. Личность превращается в узкого специалиста, который теряет представление о жизни во всей ее широте и сосредотачивается только на очень небольшой ее области, включающей частную жизнь личности и ее работу».

В фейсбуке:

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1084359791650917>

СУБЪЕКТИВНЫЙ МЕТОД

«Всегда люди признавали, признают и будут признавать истинным то, что насыщает их потребность познания»

Н.К. Михайловский

Н.К. Михайловский известен как создатель «субъективного метода» в социологии. Он утверждал, что «объективная точка зрения, обязательная для естествоиспытателя, совершенно непригодна для социологии», что в социологии данный метод нереализуем. Это так, поскольку социолог – не бесстрастный наблюдатель и истолкователь тех явлений, которые он исследует. Он неизбежно оценивает их, и не только с познавательных, но и иных, прежде всего нравственных позиций, принимает их или отвергает. Поэтому, делает вывод Михайловский, «в социологии неизбежно применение субъективного метода». Однако в чем суть этого метода и как он должен применяться, не сформулировано Михайловским однозначно. Детальный анализ всех мест, где рассматривается данная проблема, проведен в ранней работе Н.А. Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском» (1901 г.). Приводим выдержки оттуда:

«В предисловии к новому изданию своих сочинений г. Михайловский очень красиво характеризует движущий мотив всей своей литературной деятельности: «Всякий раз, когда мне приходит в голову слово “правда”, я не могу не восхищаться его поразительной внутренней красотой. Такого слова нет, кажется, ни на одном европейском языке. Кажется, только по-русски истина и справедливость называются одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое. Правда в этом огромном смысле слова всегда составляла цель моих исканий. Правда-истина, разлученная с правдой-справедливостью, правда теоретического неба, отрезанная от правды практической земли, всегда оскорбляла меня, а не только не удовлетворяла. И наоборот, благородная житейская практика, самые высокие нравственные и общественные идеалы представлялись мне всегда обидно бессильными, когда они отворачивались от истины, от науки. Я никогда не мог поверить и теперь не верю, чтобы нельзя было найти такую точку зрения, с которой правда-истина и правда-справедливость являлись бы рука об руку, одна другую пополняя. Во всяком случае, выработка такой точки зрения есть высшая из задач, какие могут представиться человеческому уму, и нет усилий, которых жалко было бы потратить на нее. Безбоязненно смотреть в глаза действительности и ее отражению — правде-истине, правде объективной и, в то же время, охранять и правду-справедливость, правду субъективную — такова задача всей моей жизни. Нелегкая эта задача»...

Система правды (правды-истины, — правды-справедливости) — это величайшая и прекраснейшая задача всякого мыслителя, сознающего свою кровную связь с жизнью, но для г. Михайловского непосильная эта была задача. Общественная обстановка, в которой ему приходилось действовать, фатально подсказывала ему неправильное решение великой проблемы. Но кроме того, у него дает себя чувствовать недостаток философской эрудиции и философской глубины мысли. Сама постановка вопроса у г. Михайловского далеко не безупречна. Некоторые считают поставленную таким образом проблему «единой правды» нелепой и потому неразрешимой...

Преобладающее впечатление, которое остается от всех рассуждений г. Михайловского о «субъективном методе», таково: всякий живой человек должен субъективно относиться к общественным явлениям, не может их не оценивать со своей предвзятой точки зрения, поэтому познания в общественной науке осложняются новым

элементом — элементом субъективным, принципиально отличающим социологическое познание от всякого другого, от познания в так называемых естественных науках; поэтому в общественной науке объективного метода недостаточно, а необходим метод субъективный. Вот собственные слова г. Михайловского, которые мы находим на первых же страницах 1-го тома его сочинений: «В социологии... предвзятое мнение необходимо осложняется нравственным элементом. Кроме истинности, достаточной для естествоиспытателя, предвзятое мнение социолога должно отразить в себе его идеал справедливости и нравственности и, смотря по высоте этого идеала, он более или менее приблизится к пониманию смысла явлений общественной жизни»...

Любимая идея г. Михайловского — это, что к общественным явлениям нельзя не относиться субъективно, что они возбуждают любовь или ненависть, восхищение или негодование, что объективное, т. е. бесстрастное отношение — самообман, к которому одни прибегают сознательно, другие бессознательно. Мы видим положительную заслугу г. Михайловского в том, что он так энергично и настойчиво подчеркивал эту несомненную истину. «Субъективизм» г. Михайловского если и не решает, то во всяком случае ставит важный вопрос, который совершенно игнорируется буржуазными социологами, вроде Спенсера, Гумпловича и тому подобных, и вообще оказывается малодоступным для академической науки. Проблему эту мы формулируем таким образом: человек (будь он профессор или простой смертный) приступает ко всякому исследованию не только с логическими нормами, одинаковыми для всех, но и со всем содержанием своей психической жизни, исторически сложившейся под давлением различных жизненных условий и различного опыта и сильно отличающей людей друг от друга. Во всякое познание познающий субъект вносит не только логические предпосылки, но также и психологические. Первые сообщают познанию объективный характер, вторые — окрашивают его в субъективный цвет.

Это факт, совершенно неизбежный и непреодолимый, потому что процесс познания происходит в жизни, а не в безвоздушном пространстве, а выше жизни никто не может стать, сколько бы ни говорил о своем объективизме. Психологические предпосылки особенную роль играют в общественной науке, которая стоит ближе к жизни и более затрагивает человеческие интересы, чем всякая другая наука; это и придает социологическому познанию специфическую окраску. Познание подвергается социальному трению, за ним скрываются воля и чувство. Великий вопрос, поставленный г. Михайловским, имеет точки соприкосновения с тем, что кантианство называет приматом практического разума над теоретическим, современная психология господством воли над познанием, а исторический

материализм — господством классовой точки зрения (результат примата жизни над идеей). Спрашивается, какова же природа и происхождение этого субъективизма?

Природа его, очевидно, чисто психологическая, а психология совсем не то, что логика. Г. Михайловский совершенно забывает это, провозглашая свой «субъективный метод». Сделаем несколько характерных выписок: «Славянофила могли бы спасти от заблуждения не только трезвые взгляды на взаимную связь исторических явлений, но и общественный идеал, более высокий, нежели состояние донетровской Руси, а для выработки такого идеала требуется известный нравственный уровень». «Предвзятое мнение неизбежно играет весьма значительную роль в наших исследованиях, как бы мы беспристрастны ни были. Сетовать на это нечего, во-первых, уже потому, что это неизбежно, а во-вторых, потому, что если предвзятое мнение ведет весьма часто к неполным и ошибочным наблюдениям и умозаключениям, то им же обуславливается и дальнейшее движение науки вперед». «В области явлений общественной жизни наблюдение неизбежно до такой степени связано с нравственной оценкой, что “не восхищаться политическими фактами и не осуждать их можно”, только не понимая их значения. Но нравственная оценка есть результат субъективного процесса мысли». «С высоты (нравственного) уровня человек может разглядеть нечто, не поддающееся объективному исследованию, которое одно признается законным в позитивизме».

Г. Михайловский присоединяется к мнению Огюста Конта, что «только те могут с успехом заниматься социологией, чей нравственный уровень достаточно высок». Он это иллюстрирует таким образом: «Бэкон — предатель, взяточник, клеветник и вместе великий мыслитель о природе возможен, — факт налицо. Но Бэкон — великий социолог немислим». Выписок можно было бы сделать очень много, но уже достаточно ясно, что имеет в виду г. Михайловский. Так как вытравить психологические предпосылки из социологического познания невозможно, то для того чтобы успешно разрабатывать общественную науку, необходима особенная, благоприятная психология, которую г. Михайловский называет высоким нравственным уровнем. Г. Михайловский не ставит прямо вопроса о генезисе этого психологического субъективизма, но мы находим у него места, которые позволяют нам сказать, что он очень близко подходит к той социальной точке зрения, на которой стоим мы сами».

В фейсбуке:

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1086735934746636>

ТЕОРИЯ ЛЮБВИ

«Любовь есть стремление к целостности, стремление людей друг к другу с целью восстановления первобытной могучей природы человека»

Н.К. Михайловский

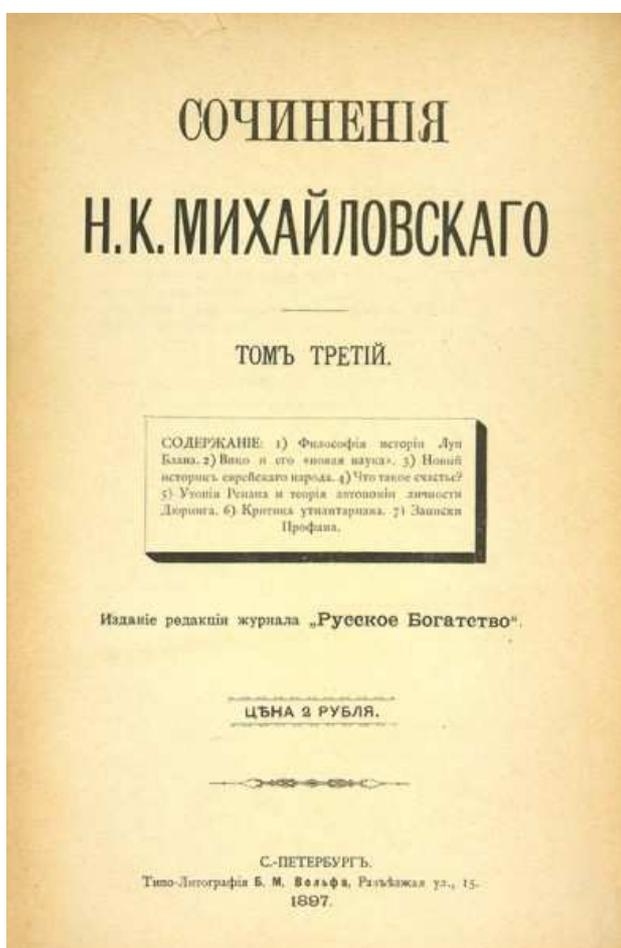
Из своей «теории борьбы за индивидуальность» Н.К. Михайловский делает несколько важных выводов. Так, он развивает теорию любви и теорию «вольницы и подвижников». По мнению Михайловского, семья является одной из стадий развития индивидуальности, счастливый брак – это результат удачного сочетания индивидуальностей. Однако Михайловский в целом сочувствует гермафродитизму и считает половую дифференциацию регрессом (хотя он и не решается включить этот тезис в свою социальную программу). Что касается теории «вольницы и подвижников», то она развивается Михайловским в связи с теорией любви: по его мнению, вольность и подвижничество – это два типа протеста против общества; первый тип связан с гетеризмом, а второй – с аскетизмом. Указанные теории анализируются Н.А. Бердяевым в работе «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском» (1901 г.). Приводим выдержки оттуда:

«Задачу, выставленную г. Михайловским, — исследовать судьбу человеческой индивидуальности в различных формах общежития — мы признаем, но для этого надо бросить биологические абстракции и аналогии и обратиться к исторической личности и историческому обществу, надо брать человеческую индивидуальность, созданную социальным процессом и социальной группой. Теория любви до такой степени мало разработана в современной науке, что остроумное построение г. Михайловского обращает на себя внимание и возбуждает интерес.

Мы уже говорили, что очерки г. Михайловского «Борьба за индивидуальность» занимаются семьей. «Дифференцирование есть всегда победа для известной ступени индивидуальности, но вместе с тем она всегда неизбежно составляет поражение для другой ступени. Спрашивается: какая же это новая ступень индивидуальности дифференцирует мужской и женский пол, устанавливает разделение труда в акте воспроизведения новых поколений? Семья. Зачатки ее даны уже в двуполом гермафродитизме». Семья действительно часто калечит человеческую индивидуальность, но совсем не потому, что какая-то высшая семейная индивидуальность поглощает человеческую. Формы семьи всегда создаются определенными формами общественности, и семья может отражать на себе только то угнетение личности, которое характерно для общества с классовым антагонизмом.

Исходя из известного мифа, рассказанного Платоном в «Пиршестве», г. Михайловский дает следующее определение любви: «Любовь есть стремление к целостности, стремление людей друг к другу с целью восстановления первобытной могучей природы человека. Каждый из нас есть только полчеловека и каждая половина ищет своей половины. Счастливый брак есть случай удачного подбора половинок, несчастный — неудачного». Г. Михайловскому особенно нравится в платоновском мифе именно то, что «он резко ставит превосходство гермафродитизма (как физиологического типа) перед раздельнополым существованием». Г. Михайловский сочувствует гермафродитизму и считает половую дифференциацию регрессом, но этот пункт он, конечно, не решается включить в свою практическую программу, он понимает, что тут и простая кооперация не поможет, и примиряется с печальной необходимостью раздельнополого существования.

Это только доказывает, до какой степени г. Михайловский далек в своих социологических построениях от реального исторического процесса, до какой степени он витает в биологических эмпириях и игнорирует чисто социальное. Г. Михайловскому, по видимому, удастся очень остроумно объяснить многие факты из истории любви, но его успех в этом отношении кажущийся. Необходимо прежде всего помнить, что любовь есть явление социально-психическое и что те явления любви, которые знает исторический процесс, не могут быть объяснены биологически, как это, в конце концов, делает г. Михайловский. Современная индивидуализированная любовь между мужчиной и женщиной есть утонченный плод исторического процесса; это, по преимуществу, индивидуально-психологическое явление проникнуто социальными элементами и отражает на себе общий дух психического взаимодействия людей. Поэтому с биологией далеко не уйдешь в объяснении этого явления. Можно сказать, что у женщины замечается особенно сильная жажда любви, потому что ее индивидуальность поражена, потому что женщина неудовлетворена в других отношениях, словом, что «жажда любви есть требование компенсации, уравновешения односторонности», но это еще не есть социологическое объяснение важного исторического факта.

Общественная наука должна показать, какие общественные причины вызывают порабощенное положение женщины в обществе, каким образом в каждой исторической форме общественности отзывается это порабощенное положение на любви. При этом вопрос о половой дифференциации и физиологическом разделении труда отодвигается на задний план, так как мы оперируем с элементами чисто социологическими. На всей истории семьи лежит яркая печать угнетения и эксплуатации одной общественной группы другой, женщины — мужчиной. Современная социология уже много сделала для разработки вопроса о семье, и ни в одной, кажется, области не подтверждаются так блестяще принципы материалистического понимания истории, как именно здесь. А остроумные соображения г. Михайловскаго по обыкновенію проходят мимо общественной науки, слагаясь из биологических фантазий, с одной стороны, и субъективных пожеланий — с другой.

Посмотрим, что такое «вольница и подвижники». Вследствие несоразмерности между усиливающейся потребностью и убывающей возможностью ее удовлетворения в обществе появляется два типа протестантов: вольница и подвижники. «Вольница представляет протест воинствующий, активный, подвижники — протест мирный, пассивный. И те и другие порывают всякие связи с обществом». Но «исторически вольница и подвижники — родные братья». «И вольница, и подвижники одинаково не способны протестовать прямо от лица поруганной и раздавленной историческим

процессом личности». Борьба личности за свою индивидуальность против той комбинации условий, которая оказывается непреодолимой, не может принять нормального направления, и сильная личность уходит из общества двояким путем: или она образует «вольницу», таково, например, наше казачество, пугачевщина и т. п., или «подвижников», таковы различные религиозные секты. В области любви гетеризм был вольницей, аскетизм подвижничеством, оба эти явления возникли от избытка любви. Таким образом можно очень остроумно объяснить некоторые явления, но тут мы встречаемся с характерной особенностью г. Михайловского. Как «вольница», так и «подвижники» несомненно существуют, но они лежат в закоулках истории. Г. Михайловский всегда недолюбливал «большую дорогу истории», а при этом условии трудно быть социологом, трудно понять социальный процесс. Социальный процесс идет по большой дороге, а не по проселочным, поэтому взор социолога должен главным образом на ней останавливаться. «Вольнице» и «подвижникам» может казаться, что они протестуют и борются против «общества», но социолог должен понять это явление иначе, показать, что не «общество» есть враг этих протестантов».

В фейсбуке:

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1087735191313377>

КРИТИКА МЕТАФИЗИКИ

«Метафизика есть прямое последствие существования слишком теплых и покойных мест на жизненном пире. Метафизики суть люди, бесящиеся с жиру»

Н.К. Михайловский

Важным выводом из «теории борьбы за индивидуальность» Н.К. Михайловского является его учение о зависимости интеллектуального развития, в особенности метафизики, от смены различных форм кооперации. Согласно Михайловскому, метафизика – это патологическое мышление, которое является продуктом общественной дифференциации, общественного разделения труда, калечащего и разбивающего человеческую личность. Это следствие крена в сторону умственного труда, при игнорировании физического труда. Болезнь метафизики, по мнению Михайловского, состоит в «гипертрофии, в чрезмерном усилении одной функции на счет другой». Указанная теория анализируется Н.А. Бердяевым в работе «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском» (1901 г.). Приводим выдержки оттуда:

«Умственное развитие г. Михайловский ставит в зависимость от смены различных форм кооперации. Основной факт г. Михайловский видит в общественности; психология людей с его точки зрения объясняется господствующей в обществе формой разделения труда. Еще раз повторяем, что г. Михайловский никогда не выставлял на первый план умственного фактора и никогда не был в этом отношении рационалистом, он даже превосходит некоторые выводы материалистического понимания истории. Исходя из теории борьбы за индивидуальность, г. Михайловский пытается дать социологическое объяснение различным философским течениям, главным образом возникновению метафизики. Метафизическое мышление ставит и хочет разрешить неразрешимые, проклятые вопросы, оно делает бесплодные попытки перескочить через границы человеческого познания. Метафизика для г. Михайловского есть патологическое мышление, это продукт общественной дифференциации, общественного разделения труда, которое калечит и разбивает человеческую личность. Человек обращается в орган общественного организма, причем один орган функционирует только умственно, другой только физически. Таким образом получается болезнь, состоящая в «гипертрофии, в чрезмерном усилении одной функции на счет другой».

Г. Михайловский иллюстрирует свою мысль на примере гетевского Фауста. На Фауста, действительно, можно смотреть, как на символ человечества, ищущего истину; Фауст переживает яркий метафизический период, в своих вечных исканиях он претерпевает много страданий. «Вагнер забит, потому что оставляет в своем существовании множество пустых пространств, не имея чем их наполнить. Фауст, напротив, разбит, потому что рвется из границ человеческого бытия и ставит действительности требования невозможные». «Эти странные вопросительные знаки поднимаются в те моменты исторической жизни народов и жизни отдельных неделимых, когда прославленный принцип разделения труда, отрезав уже умственную деятельность от физического труда, дробит и самую умственную деятельность, восстанавливает друг против друга опыт и размышление. В такие моменты разбитый Фауст имеет полное право называть забитого Вагнера «жалчайшим из смертных». «Чтобы быть гуманным, человечным в науке, надо помнить границы человека и не оставлять в этих границах пустот, как Вагнер, но и не рваться из них, как рвется Фауст». «Раздвиньте существование Фауста, дайте ему возможность и силу пережить чужую жизнь, разбудите в нем контовский альтруизм, фейербаховский

туизм, смитовскую симпатию — и он выздоровеет, его будут мучить совсем иные вопросы, и эта мука может повести его не к поражению, а к победе». «Критерий совершенства человеческих дел есть целостность, гармония отправления в человеке и гармония средств к деятельности». Это, следовательно, также — критерий совершенного мышления, нормального познания. «Метафизика есть прямое последствие существования слишком теплых и покойных мест на жизненном пире. Метафизики суть люди, бесящиеся с жиру».

Для г. Михайловского очевидна «принципиальная связь и общность происхождения метафизики и буржуазного либерализма». Он проводит следующую параллель: «ниспроверженной теологии будет соответствовать ниспроверженный феодализм, освобожденному духу — освобождаемая буржуазия, оставляемой на старом положении материи — оставляемые на старом положении представители материального труда. Аналогия полная. И там, и тут провозглашается свобода личности; и там, и тут, несмотря на страшные формы революционной грозы, происходит только выкидывание из счета феодально-католического элемента или принципа авторитета; что же касается до взаимных отношений остальных элементов, то они оставляются в том самом положении, в каком они сложились под влиянием и при господстве принципа авторитета».

Жаль только, что г. Михайловский по обыкновению останавливается на внешних параллелях и аналогиях, а не идет в глубь вопроса. Г. Михайловский очень любит проводить параллель между капитализмом и метафизикой, но у него это остается игрой в аналогии, к которым он имеет большую склонность, несмотря на резкую полемику против «аналогического метода»; он не устанавливает внутренней связи между капиталистическим обществом и метафизическим мышлением. Прием, которым г. Михайловский выводит идеологию из общественных отношений, оказывается несравненно более грубым, чем приемы ненавистных ему «экономических материалистов». Уже Н. Бельтов заметил, что классические эпохи метафизики — Древняя Греция и Германия начала XIX века — совсем не были капиталистическими. В

действительности буржуазия XIX в. создала позитивизм и убила философский дух. Г.

Михайловскому не удалось социологически объяснить метафизические течения, но его замечания не лишены некоторой психологической ценности. Если мы определим метафизику, как чисто фиктивный метод мышления, который ставит нелепые вопросы и тщетно гоняется за их решением, то ближайшей психической причиной метафизического мышления является дисгармоническая психология, отсутствие цельности, неудовлетворенность в жизни. Общественная наука должна объяснить этот психологический факт условиями общественного бытия людей, но г. Михайловский был

человеком неподходящим для выполнения подобной задачи. В качестве последователя поверхностного позитивизма, г. Михайловский совершенно неверно освещает проблему границ познания...

В будущем, при гармонизации жизни, мы увидим необыкновенный расцвет философской мысли, гордые попытки проникнуть в тайну бытия, разрешение «проклятых вопросов» и преодоление позорной фикции «непознаваемого». Фауст действительно был разбит жизнью, его метафизическое мышление было мучительно и не привело к удовлетворительным результатам, но Фауст будущего не поступится великими вопросами, он не станет воздерживаться от их решения и не понизит качества своих исканий, сын лучших времен — он поймет, что неразрешимые вопросы, над которыми бился прежний Фауст, были просто неправильно поставлены, нелепы, фиктивны, что абсолютное — трансцендентное недоступно человеку только потому, что его нет, что оно было созданием человеческой слабости. Человек поймет все это потому, что сама жизнь и ее сила приведут его к этому высшему сознанию. Позитивизм XIX века со своими агностическими тенденциями половинчат, за ним торчат буржуазные уши; он пытался установить границы человека, но философия будущего наконец покажет, что границы человека, поскольку последнему присуще единое трансцендентальное сознание с его общеобязательными формами, вместе с тем суть границы бытия, границы всего сущего».

В фейсбуке:

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1088504984569731>

ГЕРОИ И ТОЛПА. Ч. 1.

«Великие люди не с неба сваливаются на землю, а из земли растут к небесам»

Н.К.Михайловский

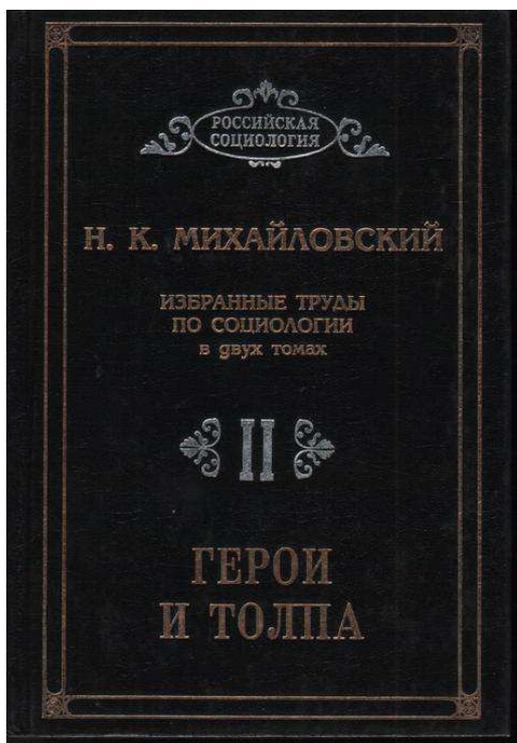
Н.К. Михайловскому принадлежит своеобразная теория великих людей, сформулированная в статье «Герои и толпа» (1882). По мнению Михайловского, героев создает среда, которая выдвигает и толпу, но в героях она концентрирует и воплощает разрозненно бродящие в толпе силы, чувства, инстинкты, мысли, желания. Различение героев и толпы является, по Михайловскому, результатом общественного развития, и он не склонен смотреть на это явление с прогрессистских позиций. Михайловский развивает свою теорию «героев и толпы» в качестве иллюстрации к «борьбе за индивидуальность», в качестве указания на ненормальные отношения между личностью и обществом, порождающие чисто патологические явления. Эта тема рассматривается в работе Н.А. Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии». Приводим выдержки оттуда:

«Работы г. Михайловского о «героях и толпе» стоят более или менее в стороне от его главных работ и не особенно характерны для «субъективизма». Хотя работы по коллективной психологии так же беспорядочны и так же незаконченны, как и все написанное г. Михайловским, но они не лишены даже некоторой научной ценности. Критики г. Михайловского напрасно пытались бы найти в «Героях и толпе» какое-нибудь преклонение перед «героем» или возвеличивание «критически мыслящей личности», как двигателя истории, но, с другой стороны, и сам г. Михайловский ошибается, приписывая своим работам по коллективной психологии социологическое значение: увы! и тут социологии слишком мало. Г. Михайловского интересует явление подражания, которое представляет несомненный и широко распространенный факт. Он ставит вопрос очень широко, объединяя области биологии, психологии и социологии, устанавливает принципиальную связь и родство между такими явлениями, как мимичность животных, гипнотизм и то взаимодействие «героя» и «толпы», которое мы видим в истории.

Г. Михайловский дает следующее определение «героя» и «толпы»: «Героем мы будем называть человека, увлекающего своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело. Толпой будем называть массу, способную увлекаться примером, опять-таки высоко благородным или низким, или нравственно безразличным. Не в похвалу, значит, и не в поругание выбраны термины “герой” и “толпа”». «Читатель не найдет у нас так называемого культа героев, но не найдет он и отрицательного отношения к героям в смысле великих людей. Без сомнения, великие люди не с неба сваливаются на землю, а из земли растут к небесам. Их создает также среда, которая выдвигает и толпу, только концентрируя и воплощая в них разрозненно бродящие в толпе силы, чувства, инстинкты, мысли, желания». Эти слова до такой степени верны, что можно даже подумать, что они не г. Михайловским написаны, в них, например, фигурирует столь необычный для него термин «среда». Г. Михайловский хочет исследовать «частные законы отношений между великим человеком и движущейся за ним массой». «Задача состоит в изучении механики отношений между толпой и тем человеком, которого она признает великим, а не в изыскании мерил величия. Поэтому заведомый злодей, глупец, ничтожество, полоумный для нас так же важны, в пределах поставленной задачи, как и всемирный гений и ангел во плоти, если за ним шла толпа, если она им искренно, а не по внешним побуждениям повиновалась, если она им подражала и молилась». «Для меня очень важно, во избежание разных возможных недоразумений, чтобы читатель утвердился на этом значении слова «герой» и чтобы он

не ожидал от героев, какие ниже встретятся, непременно чего-нибудь «героического» в том двусмысленном значении, которое обыкновенно соединяется с этим словом». Г. Михайловский пытается отыскать условия, при которых «герой» (в его смысле) оказывает сильное воздействие на массу, «толпу», при которых масса особенно восприимчива и склонна к подражанию.

Прежде всего очень любопытно отметить, над каким фактическим материалом оперирует г. Михайловский. Он все время имеет в виду не крупные социальные явления с широким историческим значением. Мы уже не раз замечали, что г. Михайловский не любит «большой дороги истории», его гораздо больше интересуют те чисто патологические явления, которыми особенно богата история средних веков, например, стигматизм, тюльпаномания, повальное подражание в монастырях и т. п. Мы этого не ставим в упрек г. Михайловскому — теория «героев и толпы» и должна иметь в виду главным образом явления психопатологические, — мы только подчеркиваем этот факт, чтобы было еще яснее, насколько мало можно видеть в «героях и толпе» учение о сущности исторического процесса, да и вообще какую-то чисто социологическую теорию. Г. Михайловский не только не видит в подражании главного фактора исторического процесса, как это мы находим, например, у Тарда, но как раз наоборот — подражание героям для г. Михайловского есть факт регрессивный, признак патологического состояния общества. Г. Михайловский совсем не останавливается своего внимания на том подражании, которое действительно имеет широкий исторический и социологический интерес, на подражании одного класса другому, например, буржуазии аристократии. Его интересует совсем не это. «Элементы воли и сознания, которые должны быть налицо в основании системы морали и столь же необходимо более или менее подавлены в явлениях подражательности и нравственной заразы». Мы должны помнить, что подражание толпы герою для г. Михайловского — явление родственное гипнотизму. «Подражательный характер явления зависит от необычайной односторонности сознания в данную минуту».

Тут мы подходим к решению проблемы «героев и толпы». Однообразие и скудность жизни личности являются благоприятным условием для возникновения подражания. «Разнообразие общественной жизни, “взятой в целом”, может, как я много раз это доказывал, находиться в прямом противоречии с богатством личной жизни и даже обуславливает собою ее однообразие, скудость, односторонность. И в таком случае мы найдем, может быть, чрезвычайную склонность к подражанию». «Эта склонность воспитывается теми же условиями, которые определяют автоматическое подражание и повиновение гипнотизированного субъекта, скудостью, постоянством и однообразием впечатлений. Это, значит, и суть необходимые условия для образования того, что мы согласились называть “толпой”». «Подражание, будучи результатом однообразия впечатлений, наилучшим образом строится с резко разделенным трудом». Отсюда

ясно, как мало г. Михайловский склонен смотреть на подражание «героям», как на фактор прогресса, ясно также, почему крупные исторические события находятся вне

его поля зрения и почему он останавливается главным образом на средних веках. «Герой» г. Михайловского не есть ни личность вообще, т. е. личность, как типический социологический элемент, ни великая личность, ни критически мыслящая личность, под которой у нас понимается интеллигенция. «Герои и толпа» — интересное исследование, но оно носит скорее психологический, чем социологический характер и ничего в конце концов не объясняет в историческом процессе. Г. Михайловский, очевидно, ценит «героев и толпу», как иллюстрацию к «борьбе за индивидуальность», как указание на ненормальные отношения между личностью и обществом, порождающие чисто патологические явления. Отыскать формулу нормального отношения между личностью и обществом — это ведь основная задача г. Михайловского.

Замечательное развитие теории «героев и толпы» дано г. Михайловским в статье «Патологическая магия». Тут он рассматривает целый ряд патологических явлений, которые объединяет под общим именем патологической магии. Разнообразные психопатологические явления у истеричных, факирство индусов, факты из летописи спиритизма — все это для г. Михайловского — результат поражения человеческой индивидуальности, победы низших ступеней индивидуальности над индивидуальностью центральной, что мы и замечаем в органическом типе общежития, когда общество разбивает личность...

Г. Михайловского подозревают в одной задней мысли. Жизнь русского «народа» очень однообразна, скучна и сера, поэтому он склонен к подражанию и представляет благоприятную почву для воздействия. Но кто сыграет роль «героя» для этой «толпы»? Соблазнительно сделать вывод, что «интеллигенция» будет таким «героем» и будет «героем» благородным. В «Героях и толпе» г. Михайловский не говорит об этом ни единого слова, этот вывод можно сделать только сопоставлением с чисто публицистическими статьями г. Михайловского. Это — о социологической стороне вопроса, но в психологической стороне аргументации нашего автора есть, конечно, много верного. Исследование гипнотизма и целого ряда других психопатологических явлений приводит к аналогичным заключениям: общей почвой для всякой «патологической магии» является ослабление и раздробление сознания. Работы г. Михайловского по коллективной психологии ставят важный вопрос, но теперь мы имеем в этом направлении более научные работы, которые окончательно доказывают, что человек в толпе изменяется и что коллективная психология не есть простая сумма индивидуальных».

В фейсбуке:

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1089386671148229>

ГЕРОИ И ТОЛПА. Ч. 2.

«Бывает величие, озаряющее далекие исторические горизонты. Бывает так, что великий человек своей бессмертной стороной, своей мыслью живет века, и века влияют на толпу, увлекая ее за собой. Но бывает и так, что великий человек мелькнет как падучая звезда, лишь на одно мгновение станет идолом и идеалом толпы, и потом, когда пройдет минутное возбуждение, сам утонет в рядах темной массы»

Н.К. Михайловский

Теория великих людей наиболее подробно развита Н.К. Михайловским в статье «Герои и толпа» (1882). Приводим выдержки из этой статьи, касающиеся интерпретации понятия «герой»:

«Героем мы будем называть человека, увлекающего своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело. Толпой будем называть массу, способную увлекаться примером, опять-таки высокоблагородным или низким, или нравственно-безразличным. Не в похвалу, значит, и не в поругание выбраны термины "герой" и "толпа". Если пьяного зверя Василия Андреева мы называем героем наряду с благородным образом Бланки Кастильской, то, конечно, читатель не найдет у нас так называемого культа героев, но не найдет он и отрицательного отношения к героям в смысле великих людей. Без сомнения, великие люди не с неба сваливаются на землю, а из земли растут к небесам. Их создает та же среда, которая выдвигает и толпу, только концентрируя и воплощая в них разрозненно бродящие в толпе силы, чувства, инстинкты, мысли, желания. Без сомнения, можно идти логическим путем даже гораздо дальше и в такой же мере умалить роль великих людей, в какой Карлейль ее превозвысил. Но, становясь на эту точку зрения, в известном смысле вполне верную, легко пропустить сквозь пальцы целую обширную область явлений, крайне важных и в теоретическом, и в практическом смысле. Именно всю область отношений между великим человеком и теми, кто следует по его стопам. Как бы мы ни смотрели на эти отношения, но они - факт. Они возникают, существуют, прекращаются или разрешаются известными результатами и, значит, по крайней мере, наравне с другими фактами подлежат изучению. Пусть с какой-нибудь очень возвышенной и вполне оправдываемой логикой точки зрения великий человек есть даже просто нуль или самое большее бессознательное орудие осуществления высших и общих исторических законов; пусть его деятельность должна изучаться с точки зрения этих общих законов; но кроме них существуют же какие-нибудь частные законы отношений между великим человеком и движущейся за ним массой. Конечно, самые факты этого рода в их голой, эмпирической наготе записываются в историю во множестве, но от голой записи еще далеко не только до понимания явления, но даже до понимания его важности. Этого-то понимания мы напрасно бы стали искать у историков культуры или цивилизации нынешнего времени, у политиков, социологов и вообще людей ex professo, занимающихся исследованиями человеческих дел и отношений. Это, можно сказать, - непочатый вопрос. Его-то мы и рекомендуем вниманию читателя.

При этом специально о великих людях нам трактовать не придется. Да если бы мы и вздумали так специализировать свою задачу, то при самом первоначальном приступе к делу натолкнулись бы на логическое и фактическое затруднение. Что такое собственно великий человек? Полубог, с одной точки зрения, он может оказаться мизинцем левой ноги - с другой. Это и само собой понятно, ибо требования, которые могут быть предъявлены великому человеку мной, вами, пятым, десятым, чрезвычайно

разнообразны. Это и в истории случалось, что великий человек для одних был полным ничтожеством в глазах других. Без сомнения, всякий мыслящий человек может и должен выработать себе точку зрения для оценки великих людей в смысле большего или меньшего количества блага, внесенного ими в сокровищницу человечества. Но, имея собственное свое мерило величия, вполне пригодное для тех или других целей, мы не можем им руководиться при изучении поставленного нами вопроса. Положим, что с точки зрения исследователя какой-нибудь, например, Будда - не великий человек, как о нем полагают буддисты, а совсем заурядная фигура. Если исследователь, руководствуясь этим своим мерилом величия, вычеркнет роль Будды из программы своей работы, то, понятное дело, сам себя лишит драгоценного материала, даваемого обаянием, которое Будда производил на современников. Исследователь должен в этом случае стать на точку зрения буддистов. Он может, конечно, отвергать и опровергать эту точку зрения ввиду различных, весьма даже важных целей и соображений. Но в данном случае все эти цели и соображения, как бы они ни были сами по себе ценны, представляют нечто постороннее. Задача состоит в изучении механики отношений между толпой и тем человеком, которого она признает великим, а не в изыскании мерила величия. Поэтому заведомый злодей, глупец, ничтожество, полоумный - для нас так же важны в пределах поставленной задачи, как и всемирный гений или ангел во плоти, если за ними шла толпа, если она им искренне, а не по внешним побуждениям, повиновалась, если она им подражала и молилась.

Этого мало. Бывает величие, озаряющее далекие исторические горизонты. Бывает так, что великий человек своей бессмертной стороной, своей мыслью живет века, и века влияют на толпу, увлекая ее за собой. Но бывает и так, что великий человек мелькнет как падучая звезда, лишь на одно мгновение станет идолом и идеалом толпы, и потом, когда пройдет минутное возбуждение, сам утонет в рядах темной массы. Безвестный ротный командир бросается в минуту возбуждения на неприятельскую батарею и увлекает своим примером оробевших солдат, а затем опять становится человеком, которому цена - грош. Вы затруднитесь назвать его великим человеком, хотя, может быть, согласитесь признать известную долю величия в его выходке.

Но во всяком случае, какая разница, в интересах нашей задачи, между этим ротным командиром, которому раз в жизни удалось воодушевить и увлечь за собой солдат, и счастливым, "великим" полководцем, появление которого пред фронтом всякий раз вызывает в солдатах энтузиазм и готовность идти на смерть? Разницы никакой или весьма малая. Мы можем, конечно, отметить в последнем случае некоторое осложнение психическими моментами, которых нет в первом. Тут мы видим привычку солдатской души реагировать известным образом при появлении вождя, а там дело происходит мгновенно, без ожидания и даже, может быть, против всякого ожидания. Но

существенной роли эта разница не играет, и, конечно, мы сделаем большую ошибку, если, исследуя механику массового увлечения под влиянием одинокой воли, упустим из виду анализ таких фактов, какой представляет история безвестного ротного командира. Затем, в смысле душевной механики увлечения под давлением одинокой личности между мгновенным движением свиты Бланки Кастильской и таким же мгновенным движением солдат нет уже ровно никакой разницы. И там и тут толпа разом, мгновенно переступает какой-то таинственный и страшный порог, как только вожак делает первый шаг, а до тех пор жметесь, колеблется, отступает.

Оба факта, очевидно, одинакового происхождения, и оба одинаково заслуживают нашего внимания. Да не то что Бланка Кастильская, Василий Андреев или ротный командир, а если бы для уяснения занимающих нас психических процессов и тех общественных или иных условий, которые обставляют эти процессы, если бы для этого оказались в каком-нибудь смысле пригодными отношения между передовым бараном и бросающимся за ним бараньим стадом, так и их исследователь не может исключить из своей работы.

Итак, вот в каком, вполне условном смысле, будем мы разуметь героя. Это не первый любовник романа и не человек, совершающий великий подвиг. Наш герой может, пожалуй, быть и тем и другим, но не в этом заключается та его черта, которой мы теперь интересуемся. Наш герой просто первый "ломает лед", как говорят французы, делает тот решительный шаг, которого трепетно ждет толпа, чтобы со стремительной силой броситься в ту или другую сторону. И не сам по себе для нас герой важен, а лишь ради вызываемого им массового движения. Сам по себе он может быть, как уже сказано, и полоумным, и негодяем, и глупцом, нимало не интересным. Для меня очень важно во избежание разных возможных недоразумений, чтобы читатель утвердился на этом значении слова "герой" и чтобы он не ожидал от героев, какие ниже встретятся, непременно чего-нибудь "героического" в том двусмысленном значении, которое обыкновенно соединяется с этим словом».

В фейсбуке:

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1090216914398538>

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА. Ч. 1.

«В искусстве объективная правда-истина и субъективная правда-справедливость должны образовать некоторое великое целое, оставаясь, однако, каждая самой собой»

Н.К. Михайловский

Н.К. Михайловский известен как ведущий литературный критик второй половины XIX века. В своей критике Михайловский в целом следовал народнической ориентации. Близкими его народнической доктрине были Успенский, Островский, Некрасов и особенно Щедрин. Писателями, начисто отвергаемыми за их «реакционность» или неопределенность взглядов были: Достоевский, Лесков, Боборыкин, Чехов и символисты. Также он имел сильное влияние на молодых писателей, особенно на Гаршина и Горького. Особенности критического подхода Михайловского рассмотрены в работе В.И. Кулешова «Литературная теория народничества». Приводим выдержки оттуда:

«Михайловский обладал ярким темпераментом публициста и критика. Он выступал постоянным обозревателем литературных новинок, истолкователем крупнейших современных писателей. С 1877 года он стал одним из редакторов «Отечественных записок». В своих воспоминаниях Михайловский пытался сгладить противоречия, которые были у него с Щедриным. Но следует признать, что в широком смысле демократическая платформа у них была во многом общей. Михайловский был связан с подпольной «Землей и волей», сотрудничал в заграничных изданиях русской эмиграции. В. И. Ленин ценил смелость, с какой Михайловский старался вызвать сочувствие в обществе к нелегальным революционерам.

В трактате «Что такое прогресс?» Михайловский стремился вернуть внимание общественности к социальным проблемам. Михайловский усмотрел определенный классовый эгоизм в распространявшихся тогда эстетических утверждениях Герберта Спенсера, что искусство есть игра, воспроизведение абстрактных законов контраста.

Но Михайловский сам тут же сползал к идеалистическому субъективизму и социологизму, полагая, что свой суд над жизнью человек совершает, исходя из «идеалов нравственности», а нравственность разъяснялась Михайловским в свете им же самим составленной абстрактной «формулы прогресса»...

Михайловский понимал, что искусство и наука работают над одним и тем же материалом жизни и что искусство достигает своих эффектов при помощи специальной эстетической эмоции. При этом от писателя требовалось, чтобы он был одинаково богат и логической и художественной силой. Каждый писатель «должен быть публицистом в душе». Как народник, Михайловский, естественно, был за тенденциозное искусство. Он несколько не упрощал этого вопроса. Вслед за Чернышевским он требовал от искусства суждений о жизни, полагая в то же время, как и Добролюбов, что этот «приговор» иногда может быть субъективно не до конца осознан самим писателем, а «санкцией факта», т. е. выводом, вытекающим из самих образов.

Михайловский понимал, что художественные образы неразрывно связаны с действительностью. Писатель, который садится за свой стол с целью изобразить одно «вечное», писал Михайловский, ничего, кроме сухих и безжизненных абстракций, не произведет. «Величайшие представители всемирной литературы никогда не боялись ни ярко-местного, ни временного». Таковы творения Данте, Сервантеса... И в то же время Михайловский неоднократно указывал на условность художественных образов, говоря,

что реализм и правдивость в искусстве нельзя понимать как натуралистическое копирование жизни. Михайловский готов даже допустить, что в этой условности может быть много искусственности. Но и она реалистична, ведет к раскрытию глубин жизни. Если, например, иметь в виду только требования жизненной правды во всей их полноте, то видимая зрителем тень отца Гамлета окажется совершенной бессмыслицей. Но как внутренний голос самого Гамлета, как примета психологии и верований людей определенной эпохи она истинна: «Попробуйте устранить подобные условности во всех сферах искусства, что от него останется?..» Есть свой условный язык у каждой формы искусства. Например, умирающий человек в опере поет сладкозвучным голосом. Этого в жизни не бывает, но ведь и речитативом в жизни тоже никто не говорит.

Михайловский не очень доверял современным «новаторам» в искусстве, он требовал уважительного отношения к традициям, к «старым шаблонам красоты». В них много истинного и поучительного! Они живут и сегодня, в них только надо сделать маленькую «передвижечку».

А «передвижечка» нужна для того, чтобы во всеоружии испытанных средств попробовать нарисовать новый образ героя времени из разночинцев, образ революционера. Михайловский вслед за Щедриным и Шелгуновым настойчиво разрабатывал проблему нового героя. Он считал характернейшей особенностью переживаемого времени то, что в литературу 1870-х годов «разночинец пришел». В статье «В перемежку» Михайловский патетически восклицал: «Ах, если бы

я был первоклассный художник, если бы я мог разлиться в звуках, в образах, в красках, - я воспел бы вас, братья по духу, изобразил бы вас, мученики истории...». Эти герои должны быть проникнуты сознанием идеи долга перед обществом, самопожертвенности, идеалом сочетания «совести» и «чести», воплощением «формулы прогресса». Открывая новые перспективы для изображения передового героя истории, Михайловский много раз предупреждал, чтобы это был живой человек, с глубоко личными качествами, а не схема. Он считал, что такие же превосходные краски, которые в свое время Тургенев потратил на Рудина, должны быть потрачены теперь на образы нынешних передовых людей. Он даже упрекал Тургенева в том, что тот был слишком скуп в средствах, изображая Инсарова, Базарова, Нежданова. Михайловский советовал и начинавшему Горькому: «А вы бы попробовали написать роман из жизни наших революционеров».

Михайловский решительно восставал против снобистского мнения либерально-буржуазной декадентской критики о том, что «мужик заполонил» всю литературу, что пора ей отвернуться от этой приевшейся темы. Михайловский доказывал, что тема

мужика еще недостаточно разработана и она вовсе не результат чьей бы то ни было навязчивой пропаганды последних лет. Эта тема есть не только у писателей-народников - Златовратского, Каренина, Наумова, но и у Щедрина, Г. Успенского, Л. Толстого. Новый ее вид в том, что теперь она означает не простой призыв сочувственно изображать народ, а поиски методов воспроизведения народных крестьянских типов, их судьбы в пореформенный период в свете определенных идеалов.

Но в критике Михайловского заметно отразились и установки его субъективной социологии. Мы находим ее следы в виде целой системы понятий, терминов и критериев, многие из которых умерли вместе с Михайловским. Например, он утверждал, что все объективные построения в эстетике опрокидываются или отодвигаются на задний план перед суждением вкуса. Вкус - это «беспокойный элемент» эстетики, совершенно не поддающийся регламентации и объяснению. «Что мне делать - восторгаться или негодовать,- говорил Михайловский,- решает мой вкус». Ему казалось, что учение о причинной связи явлений не дает оснований для суда над людьми и событиями. Ведь понятия о них всегда чисто субъективны. Так называемый элемент «душевной жизни» всегда остается стихийным, а чувства и воля произрастают отсюда. Между тем, и в искусстве «объективная правда - истина и субъективная правда - справедливость должны образовать некоторое великое целое, оставаясь, однако, каждая самой собой». Что же должно быть центром их объединения? Как этого достигнуть? Михайловский не знал».

В фейсбуке:

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1092599304160299>

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА. Ч. 2.

«В обществе и литературе то и дело слышатся ныне возгласы: долой “интеллигенцию” и да здравствует народ! Хорошо. Я не высокого мнения о русской интеллигенции и никому не уступлю в искренности пожелания: да здравствует русский народ! Но я боюсь данайцев, дары носящих... Дело в общей тенденции — задавить, под предлогом народных идеалов, великие международные вещи и все-таки ничего не дать народу»

Н.К. Михайловский, 1881 г.

Представляют интерес суждения Н.К. Михайловского как литературного критика о великих русских писателях – Салтыкове-Щедрине, Достоевском, Лескове, Чехове и др. Эта тема рассматривается в работе В.И. Кулешова «Литературная теория народничества». Приводим выдержки оттуда:

«Наиболее объективно судил Михайловский о Щедрина, с которым он совместно издавал «Отечественные записки». После смерти писателя Михайловский напечатал ряд статей о Щедрина в «Русских ведомостях» и затем выпустил их отдельной книжкой («Щедрин», 1889). Эта книжка - значительный вклад в изучение Щедрина. Михайловского привлекала в писателе широта его художественной палитры. Щедрин соединял в себе правдивого реалиста и мастера гротеска, беспощадного сатирика и страстного лирика: «В способах околдования читателей Салтыков был, конечно, без сравнения разнообразнее Достоевского». Писатель сочетал в творчестве непосредственную одаренность, художественную интуитивность с трезвым расчетом, «силой неусыпно бодрствующего сознания».

Щедрин был новатором в области художественной формы, он творил ее, подчиняя своей идее. Михайловского подкупала щедринская форма, дерзостное сочетание разнородных элементов реализма, сатиры, фантастики, эзоповой речи: «Формалисты назовут ее (форму у Щедрина.-В. К.), может быть, распущенностью, беспорядочностью, невыдержанностью стиля. Ну и бог с ними».

Михайловский начисто снимал старые выпады Писарева, Зайцева и Достоевского против Щедрина. «Напрасно стараются уверить, что Салтыков стоял вне партий, - писал Михайловский. - Его великий талант поднимал его над всеми нашими партиями, но умом и сердцем он принадлежал вполне, детально определенному направлению... он был редактором журнала с совершенно определенной физиономией»...

Сатира Щедрина на «чумазах», на «столпов» и кандидатов в «столпы», Разуваевых, Колупаевых, Деруновых вызвала симпатии Михайловского. Но Михайловский сужал смысл великих картин и образов сатирика: Салтыков не сводил свое неприятие капитализма к народнической доктрине Михайловского.

И все же в условиях безвременья, общественного спада и такая урезанная интерпретация Щедрина была подвигом, поддерживавшим в литературе мотивы гражданственности, трезвого реализма. Это особенно станет понятным, когда мы обратимся к другому полюсу в литературе - к писателям, так или иначе связанным с консервативными направлениями, против которых боролся Михайловский. Михайловского не могло прельстить «почвенничество» Достоевского. Он считал такое народолюбие ложным, искусственным, реакционным. Карикатурное изображение революционеров в «Бесах» окончательно отвратило Михайловского от Достоевского:

«Вы не за тех бесов ухватились». Настоящими бесами Михайловский считал нарождающихся буржуазных дельцов.

Статья Михайловского против Достоевского - «Жестокий талант» (1882) - выглядит ясной по мысли, политической позиции, хотя и односторонней по выводам. Михайловский предназначал своей статье определенную общественную миссию, которую поддержал позднее Антонович своим разбором «Братьев Карамазовых». Достоевский сам перед смертью изображал себя каким-то оплотом официальной мощи православного русского государства. И. Аксаков, Катков, Страхов, вся реакция 80-х годов раздувала его значение до размеров «духовного вождя своей страны», «пророка божия». Михайловский гордился постоянством своего критического отношения к Достоевскому. Он чутко уловил в 1902 году, что «звезда Достоевского, по-видимому, вновь загорается...» в связи с интересом к нему декадентов. Здесь критик в принципе предвещал выступление М. Горького по поводу увлечения «карамазовщиной».

Михайловский считал, что Добролюбов напрасно приписывал Достоевскому сочувствие к обездоленным. Теперь смысл творчества Достоевского раскрылся вполне: писатель исходил всегда из предпосылок, что «человек - деспот от природы и любит быть мучителем», «тирания есть привычка, обращающаяся в потребность». Достоевский «любил травить овцу волком», причем в первую половину творчества его особенно интересовала «овца», а во вторую - «волк». Отсюда иллюзия «перелома» в творчестве Достоевского, а на самом деле перелома не было. Он любил ставить своих героев в унижительные положения, чтобы «порисоваться своей беспощадностью». Это - «злой гений», гипнотизирующий читателя. Некоторые критики упрекали Михайловского за то, что он

слишком отождествлял взгляды героев со взглядами автора. Конечно, этого нельзя было делать, как заявлял позднее и сам Михайловский. Здесь нужна величайшая осторожность. Но Михайловский был прав, утверждая: хотя связи между героями и автором иногда просто неуловимы, из этого еще не следует, что их в действительности нет.

Эти связи можно проследить и в поэтике романов. Михайловский многое верно подметил в творчестве Достоевского, хотя и объяснял слишком упрощенно. Например, он указывал, что Достоевский всегда нарочито «торопит» действовать своих героев, навязывает «толкотню событий»; у него в композиции наблюдается «архитектурное бессилие, длинноты, отступления, дисгармоничность; глава о старце Зосиме - просто «томительная скука»; у Достоевского нет чувства меры, нелегко извлечь его

собственные мысли из речей действующих лиц, во всем какая-то неопределенность сопереживаний; в романах большая повторяемость типов, например тип взбалмошной, жестокой, странной, но обаятельной женщины. Но вряд ли верно заключение Михайловского, что в разработке этого типа Достоевский «всю жизнь ни на шаг не подвинулся вперед» (Полина, Настасья Филипповна, Грушенька)...

Таким же носителем ложной народности и гуманизма был для Михайловского Лесков. Критик возмущался обычными заявлениями в печати, что Лесков может быть поставлен в ряд с Гончаровым, Тургеневым, Толстым, Щедриным, Писемским. Такое сравнение Михайловский считал «скандальным».

Лесков - «резко тенденционный писатель», Михайловский не может простить ему антинигилистического романа «Некуда». Но Михайловский в то же время сознательно отстранялся от уже приевшихся упреков, чтобы его, в свою очередь, не обвинили в тенденциозности. Ограничив свой разбор произведений Лескова чисто художественной стороной, он с новой силой оспаривал талантливость писателя. Обычно хвалили Лескова за колоритный, народный язык. Но у Лескова все портит отсутствие чувства меры. Лесков словно избегал обыкновенной, живой русской речи, утрировал ее, подменял смесью простонародности с церковными славянизмами. В «Соборях», «Запечатленном ангеле», «Очарованном страннике» он допускал «полное смешение языков». Он кокетничал своим особенным, ни на что не похожим языком, коверкал фамилии, названия, выражения: «Кисельвроде» (Нессельроде), «Аболон Полведерский» (Аполлон Бельведерский), «долбица умножения» (таблица умножения). Лесков от себя сочинял «непромокабли» (галоши), «клеветоны» (фельетоны). Все это вредило художественной правде его произведений, выдавало слабость таланта...

Очень сложным для Михайловского оказался Чехов. Этот писатель, долгое время остававшийся загадкой для критиков, по его мнению, хотя и незаурядный беллетрист, в художественном отношении стоящий выше Боборыкина, все же принадлежит к лагерю «ничегонеделателей», релятивистов, широко открывающих двери чуждым влияниям. Известно, что к Чехову точно так же относились тогда Шелгунов и критики из «Недели».

Чехов - «безыдейный писатель», самой будничной холодностью своего индифферентизма воспитывающий в обществе равнодушие ко злу. В ровности тона Чехова Михайловский видел черту «восьмидесятников», оторвавшихся от заветов «отцов». Чехов «идеализирует отсутствие идеалов». Чехов - это «даром пропадающий талант». Выбор тем у Чехова отличался случайностью. Не в «хмурых людях» тут дело, а в самом Чехове, которому «все едино суть»: «вон быков везут, вон почта идет, колокольчики с бубенчиками пересмеиваются, вон человека задушили, вон шампанское пьют»...

В фейсбуке:

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1093623737391189>

КРИТИКА РОЗАНОВА

«Есть в нашей современной общественной атмосфере что-то такое, что отвращает людей от "феноменов", явлений и устремляет их в "потусторонний" мир нуменов, ими самими признаваемый недостижимым, вследствие чего мысль их по необходимости принимает мистический характер полу-веры, полужакобы-знания... Любопытно, что к этому тяготеют, между прочим, и некоторые недавние ярые сторонники и проповедники экономического материализма: salto mortale, очень характерное для истории русской мысли»

Н.К. Михайловский

Одна из наиболее примечательных критических статей Н.К. Михайловского имеет название «О г. Розанове, его великих открытиях, его маханальности и философической порнографии» (1902). В этой статье Михайловский анализирует воззрения В.В. Розанова и дает их детальную критику. Прежде всего, он акцентирует внимание на многочисленных фактологических ошибках в работах Розанова. Его также смущает напыщенный стиль русского писателя. Общий вывод Михайловского состоит в следующем: все хорошее, что есть в сочинениях Розанова, не ново, а все новое в этих сочинениях – нехорошо. Приводим выдержки из статьи Михайловского:

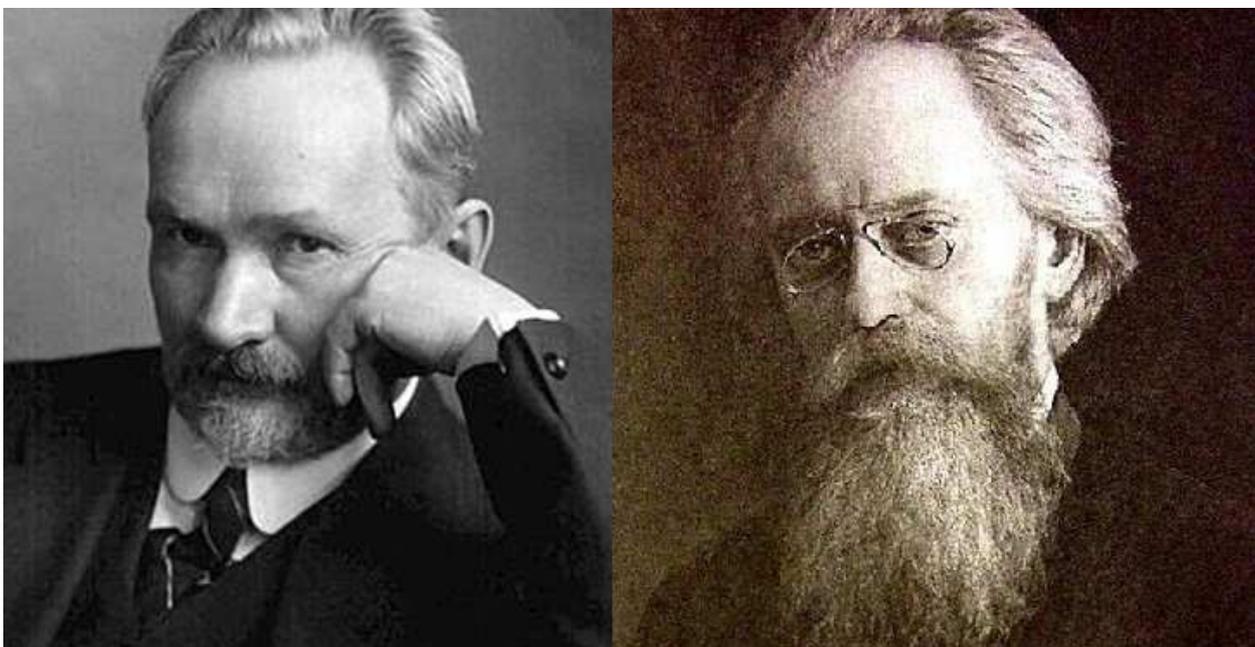
«Как-то, в одной из прежних своих статей, г. Розанов построил некоторое теоретическое здание на том факте, что Руже де Лиль написал во всю свою жизнь только одну "Марсельезу". И совсем бы все хорошо вышло, если бы Руже де Лиль действительно только раз в жизни был композитором и ничего, кроме "Марсельезы", не сочинил, но он написал много и очень разнообразных музыкальных произведений. Г. Розанов мог о них не знать; но, казалось бы, та "пристальность рассмотрения", которою он хвалится, та "точность и внимательность рассуждения", которую он внушает другим, обязывает предварительно ознакомиться с тем, о чем собираешься говорить... В другой раз, рассуждая о свойствах ума и характера наследственного духовенства, прошедшего семинарскую школу, г. Розанов иллюстрировал свои положения, между прочим, примерами Ришелье, Мазарини и Шелгунова... С разбегу он не заметил, что это иллюстрации совершенно неподходящие, так как все три названные лица - чистокровные дворяне и в семинарии не бывали. Такими подвигами пристальности, точности, внимательности, осторожности переполнена и книга "В мире неясного и нерешенного". Исчерпать в этом отношении книгу до дна - нет ни возможности, ни, конечно, надобности. Но на двух-трех образцах мы остановимся с некоторою "пристальностью".

По соображениям, которые мы, может быть, поймем ниже (а может быть, так и не поймем), г. Розанов считает нужным остановить внимание читателя на "загадке", которой "никто не разобрал", а именно: "что такое лицо в нас?" Разгадка такова: лицо есть "точка, где тело начинает "говорить", к которой и сами мы говорим, "обращаемся"; точка, где прерывается немота, откуда прорывается мысль; где начинается особливость и кончается безразличие". Дав это определение, г. Розанов замечает, что и другие части человеческого тела, в несравненно меньшей степени, но обладают известной выразительностью. Таковы локоть и плечо, но в особенности кисть руки и ступня ноги.

"В кисти руки, - говорит г. Розанов, - есть явно затылочная, покрытая легким пушком часть, и личная, лицо, ладонь, голая. Будем внимательны к наблюдениям и не

глухи к мелочам человеческих инстинктов: приветствуя, мы касаемся рукою руки и не дотрагиваемся (?), но прикладываем ладонь к ладони, которые сжимают одна другую. Образовалась фразировка рукопожатий, без придумывания, само собой: руки ласкаются. Холодно, при почтительности, целуя руку, мы ее целуем в глухую затылочную часть (верхнюю, с пушком); но поразительно, что в неге и страсти мы поворачиваем ее, довольно неудобно для нее, и целуем в лицо, в ладонь, где сплетаются таинственные линии, задатки черт лица. В минуту особо горячей молитвы мы почему-то "воздеваем руки"; руки кого-то ищут, тянутся к кому-то; и станем следить, до чего это любопытно: мы обе кисти руки поворачиваем ладонями к образу, св. Лику; т. е. мы становимся на молитву всеми в себе лицами (священник во время херувимской песни)".

Станем, в самом деле, следить, до чего это выходит любопытно у г. Розанова. Оставим пока в стороне все, что мы целуем и вообще делаем "в неге и страсти". Этот приятный сюжет г. Розанов постоянно и не случайно, а принципиально сопоставляет и связывает с молитвой, и мы еще с ним встретимся. Остановимся на молитве. Что в молитве люди так или иначе воздевают руки, это верно, но, не говоря о том, что мы и в самом обыкновенном разговоре жестикулируем руками, г. Розанов подчеркивает значение именно ладони руки, следовательно, рука в целом в его рассуждении ни при чем. А что касается ладоней, то священник во время херувимской, по раз навсегда установленному ритуалу, действительно обращает, говоря языком г. Розанова, "все свои лица к св. Лику". Но это делает именно священник и именно во время херувимской. "Мы" же, то есть вообще христиане, поступаем на молитве как раз наоборот: или складываем ладонь с ладонью, то есть закрываем свои ручные "лица" одно другим, или, осеняя себя знамением креста, опять же обращаем почти закрытую перстосложением ладонь к себе; иные, в особенности католики, в молитвенном экстазе бьют себя в грудь или, скорбя о грехах своих, закрывают лицо руками, причем ладоней не выворачивают. До чего это любопытно...

Читатель скажет, может быть, что я уж пересаливаю в пристальности внимания к вздорам г. Розанова. Но как же иначе быть, если этот маханальный писатель совершает целый переворот в религии, если его статьи "бессмертны и неумирающи"?

Нам надо еще заглянуть на те высоты, до которых иногда достигает манера изложения г. Розанова. Он сам их хорошо знает. Так, в одном месте он говорит: "Пусть будут прощены мои неуклюжие глаголы!.. пока же, пока еще найдешь "язык простой и голос мысли благородной", а до времени употребляешь первые попавшиеся, раскосостоящие слова, чтобы указать новое и неожиданное, что на ступенях видишь". А одно из примечаний автора к полемическим материалам оканчивается так: "Мы немножко бредим, но это - материи, где только бредя - "набретаешь" на истину". Хорошо, похвально, конечно, что г. Розанов сознает неуклюжесть своих глаголов и смиренно просит простить его: всякий пишет как может, как умеет. Но если г. Розанов может писать лучше, толковее, точнее, внимательнее, если ему доступен "язык простой и голос мысли благородной" и только по торопливости пускает он в ход первые попавшиеся раскосостоящие слова, так это вовсе не хорошо, и, в особенности, когда речь идет о новом и неожиданном. И зачем так торопиться? Поспешишь - людей насмешишь: сообщишь нечто, столь новое и неожиданное, например, о Руже де Лиле, о Ришелье и Мазарини, о Рафаэле, что и на правду не похоже. Еще хуже, разумеется, когда человек по той же торопливости сознательно печатает заведомый бред, утешая при этом читателя: это я так, временно, в ожидании той истины, на которую набреду в будущем. Это уже не смиренное признание в том или другом своем изъяне, а, напротив, чрезвычайное высокомерие и презрительное отношение к читателю...

Здоровая и разумная часть писаний г. Розанова - его отношение к аскетизму и связанному с ним лицемерию или страданию и вытекающие отсюда практические выводы о разводе, о внебрачных детях и проч. - отнюдь не составляют какой-нибудь новости в русской литературе. В старые годы уже "дети" в "Отцах и детях" Тургенева все это знали. Нов лишь антураж, обстановка, в которой здравые мысли являются в изложении г. Розанова. Быть может, для известного круга читателей важно и полезно, что мысли эти подкрепляются у него словами Ветхого и Нового Завета, - об этом я не берусь судить. Но обо всем остальном можно сказать старинным изречением: все хорошее здесь не ново, а все новое - нехорошо. Мало сказать: нехорошо. Хорошее у г. Розанова совершенно завалено сумбурно-ноуменальными сугробами, через которые читателю приходится перебираться, ежеминутно увязая по пояс. Сам-то г. Розанов летает по этим сугробам с изумительной легкостью. На то у него "крылышки" и "ветерок"... я хотел сказать: ветерок в голове, но вспомнил, что голова, по толкованию г. Розанова, тут ни при чем, а все дело в "знаках пола". Развязность, с которой г. Розанов предъясняет себя читающей публике - хотя бы и публике "Нового времени", "Гражданина" и "Русского труда" - есть тоже своего рода признак времени. Разумею не то, что г. Розанов часто ведет речь о предметах неудобосказуемых, для которых, по его собственным словам, "в специальных книгах употребляют термины латинского, т. е. мертвого, не ощущаемого нами с живостью языка". Это может быть оправдано искренностью и чистотой намерений. Но никаких оправданий нет для всех тех маханальностей - вплоть до настоящего бреда, - о которых у нас была речь выше».

В фейсбуке:

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1094368463983383>

КРИТИКА СИМВОЛИЗМА

«Господа символисты, декаденты, инструментисты, манифики, маги неблагоприятно относятся к науке, стесняющей свободный полет их намеренного или ненамеренного бреда. Они много говорят об Истине и, в знак глубокого своего к ней почтения, любят писать ее имя с большой буквы. Но это истина особенная, мистическая. Что же касается собственно науки и опирающихся на нее философских систем, то по их адресу они говорят много неприятных и неприязненных вещей. И немудрено: их требования от науки решительно превосходят ее средства»

Н.К. Михайловский

Предметом активных критических нападков Н.К. Михайловского стали народившиеся на его глазах символисты. Их творчество он считал симптомом упадка литературы и искусства – проявлением алогизма и обскурантизма. По его мнению, поэты-символисты являются «бездарностями», «выскачками», «шарлатанами», которые стремятся сделать себе имя с помощью «магии слов». Этот аспект литературной критики Михайловского рассмотрен в статье В.И. Кулешова «Литературная теория народничества». Приводим выдержки оттуда:

«В группе писателей, вызывавших отрицательные или настороженные оценки Михайловского, большое место занимали народившиеся на его глазах современные декаденты, символисты.

Михайловский посвятил им несколько разборов: «Символисты, декаденты и маги», «Русские символисты», «Г-жа Гиппиус и ступени к новой красоте». Много ядовитых стрел Михайловский выпустил по Минскому, Случевскому, Мережковскому, «космической лирике» Бальмонта, «перепевам» Ф. Сологуба.

Он упрекал их в тяготении к мистике, формализму, аморализму, «безответственности инстинктов». Он цитировал из первого сборника В. Брюсова «Русские символисты» такие стихи, как «Фиолетовые руки на эмалевой стене», «О, закрой свои бледные ноги», и издевался над ними. Он карал эти «якобы стихи» за отвлеченность, надуманность, гурманство. В статье о Гиппиус он цитировал ее «Песню»: «Мне нужно то, чего нет на свете, Чего нет на свете!» Он находил во всем этом смердяковщину, «истерически-капризные ноты», только «дикие», «ложные жесты».

Михайловский уловил связь между расцветом декаданса и общественным упадком 80-90-х годов. Требования логической, нравственной и художественной благопристойности ослабли в своем «предупреждающем, устрашающем и карающем значении».

Но Михайловский упрощал проблему генезиса декаданса вообще и русского в частности. Он считал, что имеет дело с поэтами-бездарностями, выскачками, пускающими «мыльные пузыри», чтобы приобрести славу. Это, конечно, ошибка. Дело было сложнее. Среди символистов оказалось много подлинных талантов.

Кроме того, Михайловский искренне считал декаданс привозным растением, веянием Запада, не имеющим корней в русской действительности. Особо остроумному разбору подверглись книги Д.С. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях

современной русской литературы» и «Религия Л. Толстого и Достоевского». Михайловского возмущал открытый вызов, с которым Мережковский определял сущность искусства: «...сущность искусства нельзя выразить никакими словами, никакими определениями»; «...идею символических характеров никакими словами нельзя передать».

Мережковский насчитывал три главных элемента в новом, т.е. декадентском, искусстве: мистическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности. Особенно первые два пункта вызвали резкую и справедливую критику со стороны Михайловского: «Мережковский не пророк и не герой нового течения, а жертва недоразумения. Он сам страдает недостатком того всеохватывающего начала, за отсутствие которого громит русскую литературу».

Он «боится жизни», «инстинктивно чует свое бессилие ориентироваться в сложных путях жизни»; «при этих условиях мистические сферы остаются единственным убежищем, куда Мережковский и удаляется вслед за французскими символистами. Нам туда не по дороге». Все логические построения Мережковского лишены логики, он раб своего «каламбурного мышления», парадоксального, бьющего на эффект, но не выдерживающего проверки фактами. Сколько произвольностей он наговорил в книге о «религии» Толстого и Достоевского, проявив здесь «жестокость сладострастия» в навязчивом преследовании Толстого и возвеличивании Достоевского!

Ополчаясь на дешевое экспериментаторство, Михайловский вовсе не преграждал путь экспериментам. Он слишком хорошо знал реальную историю русской поэзии. Любопытно в этой связи следующее его заявление: «В самом деле, техника искусства ведь не сказала своего последнего слова, да и когда же она его скажет? Поэтому и задача символистов, при всей своей узости, может иметь свое значение». То есть относительную ценность исканий формы Михайловский признавал. И у символистов, наряду «с утомительной вычурностью» языка, есть отдельные удачи.

Михайловский рассматривал русский символизм как реакцию на натурализм, на школу Золя, принципы которой в России насаждал Боборыкин. В этом случае и русский символизм оказывался имеющим исторические корни и цели у себя на родине. Реакция против эмпирического направления в литературе вызывает у Михайловского даже слова благодарности Мережковскому, который выступил против сухости доктрины позитивизма и натурализма в искусстве.

Но Михайловский видел, что эта реакция сама, в свою очередь, впадает в нелепую крайность и односторонность: «безыдейной, бессмысленной обнаженности и протокольной точности они противопоставили столь же бессмысленную прикровенность и символическую темноту». Зорко умел критик за фразами разглядеть суть дела»

В фейсбуке:

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1095407777212785>

В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

«Когда-то в дни ранней юности все мы зачитывались Михайловским, он будил нашу юную мысль, ставил вопросы, давал направление нашей проснувшейся жажде общественной правды. Потом мы ушли от нашего первоначального учителя, переросли его, но бьемся и до сих пор над поставленными им проблемами, так тесно сближавшими философию и жизнь»

Н.А. Бердяев

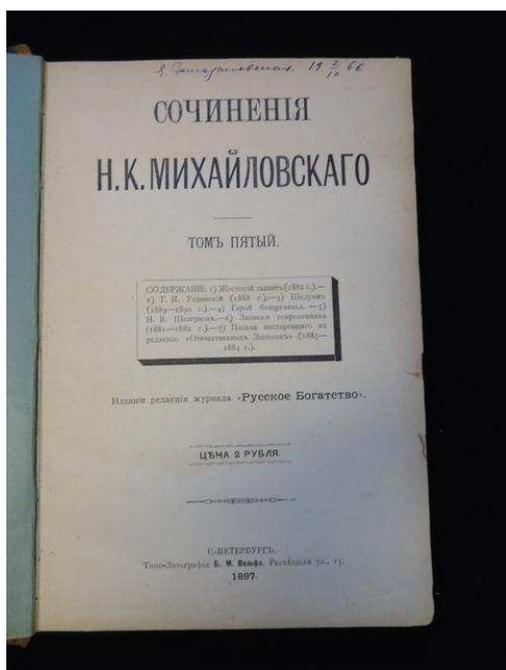
Представляет интерес оценка разных периодов творчества Н.К. Михайловского современниками. Такая критическая оценка представлена Н.А. Бердяевым в статье «Н.К. Михайловский и Б.Н. Чичерин» (1904), написанной в год смерти этих крупных мыслителей. Бердяев пишет:

«Мы принадлежим к тому поколению 90-х годов, которое было выдвинуто новой могучей общественной волной и вступило в непримиримую борьбу со всеми старыми направлениями. Борьба велась с резкостью и беспощадностью зеленой молодости, с сознанием растущей силы, и верили мы беззаветно, что будущее принадлежит только нам. Особенно резко и горячо мы спорили с ветераном старого направления, последним крупным его представителем, - Н. К. Михайловским. В пылу полемики мы часто бывали несправедливы и даже грубы по отношению к этому замечательному человеку. И не понимали мы того, что "были противниками, но очень странными. У нас была одна любовь, но не одинокая. И мы, как Янус, или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно". У нас была одна любовь к свободе, билось одно сердце русского интеллигента, и еще теснее общей любви связывала нас одна общая ненависть... Сейчас наша родина стоит у такого исторического поворота, что это одно, общее, как-то особенно чувствуется и особенно хочется положить венок на могилу нашего противника, друга и отца - Н. К. Михайловского.

Со смертью Михайловского как бы сошла со сцены целая эпоха в истории нашей интеллигенции, оторвалась от нас дорогая по воспоминаниям частица нашего существа, нашей интеллигентской природы. И каждый русский интеллигент должен живо чувствовать эту смерть и должен задуматься на могиле Н. К. над своим историческим прошлым и над своими обязанностями перед будущим. Когда-то в дни ранней юности все мы зачитывались Михайловским, он будил нашу юную мысль, ставил вопросы, давал направление нашей проснувшейся жажде общественной правды. Потом мы ушли от нашего первоначального учителя, переросли его, но бьемся и до сих пор над поставленными им проблемами, так тесно сближавшими философию и жизнь. Это очень характерно: Михайловский никогда не был философом по способу решения различных вопросов и по недостатку философской эрудиции, но беспокоили его всю жизнь именно философские вопросы, и у порога его сознания уже поднимался бунт против ограниченности позитивизма. В этом он был типичным русским интеллигентом, полным философских настроений, но лишенным философской школы и связанным предрассудками позитивизма. Мы любили и любим Михайловского за ту духовную жажду, которая так резко отличает русскую интеллигенцию от мещанства интеллигенции европейской.

С Михайловским нас некогда разделяли разное понимание общественного развития России и разные общественные программы. Тут возгорались самые сильные страсти. Теперь многое смягчилось и мы спокойнее можем оценить общественные заслуги Михайловского, искреннего и глубокого демократа и борца за личность, хотя по-

прежнему относимся отрицательно к народничеству и принимаем наследие марксизма, но критически проверенное. Одно несомненно: и народничество, и марксизм бледнеют в своей противоположности перед великой исторической задачей водворения права в нашу жизнь. Теперь мы более всего поставили бы в упрек Михайловскому, что он не умел дать юридической формулировки общественным требованиям своей публицистики. Народничество всегда грешило слабым политическим правосознанием и в 70-е годы даже приводило к политическому индифферентизму. Но с грустью нужно отметить, что и марксисты, которые исторически выступили с совершенно иными политическими настроениями, не всегда дооценивают огромное самостоятельное значение правовых требований...

Философская позиция Михайловского была поистине трагической и безысходной. Он вел идеалистическую борьбу за личность, противопоставлял человеческую индивидуальность не только природе, но и обществу. Мы это готовы всей душой приветствовать. Но что такое личность, откуда она черпает силы для противопоставления своей индивидуальности окружающей среде?

Увы! для позитивиста личность только биологическое понятие, для рационалиста личность не имеет индивидуальности. "Личность" Михайловского есть биологическая абстракция, это какая-то безличная биологическая нормальность (максимум физиологического разделения труда внутри индивидуума), Михайловский верным инстинктом протестовал против притязаний дарвинизма, он угадал основной

грех натуралистического эволюционизма - игнорирование того, что приспособляется и развивается, неспособность ввести эту внутреннюю творческую активность в процесс развития. Он не мог стать на точку зрения философского идеализма и пытался создать нечто вроде биологического идеализма. Но это ведь самообман... У Михайловского было несомненное тяготение к метафизическому индивидуализму, но духовная атмосфера, в которой он вырос, не позволяла ему порвать с традициями и предрассудками позитивизма. Но он был также несомненным рационалистом, и тут между нами образуется пропасть...

Михайловский, как и всякий рационалист, защищал всю жизнь личность безличную, бескрасочную, отвлеченную, общую, защищал биологическую абстракцию, лишённую индивидуальности, и это была ирония судьбы над "борцом за индивидуальность". Подобно всякому рационалисту, он брал человеческую природу не в ее мистической, сверх-рациональной целостности и полноте, он брал ее отвлеченно, рационалистически рассекал, и таким образом убивал живую непосредственную жизнь, соприкасающую нас с тайной мира. Полнота переживаний человеческой личности недоступна для рационалиста, а только эта полнота приводит нас в связь с "иными мирами" и только тут мы обретаем свою индивидуальность, по существу иррациональную, неповторимую в своем своеобразии.

Рационализм слишком боится всего темного, таинственного, проблематического в человеческом существе, всего, что может помешать благополучно устроиться,

выстроить человеческие личности в ряды, нормировать все и вся. Для нас человеческая личность есть не биологическая или этико-гносеологическая абстракция, а живой конкретный индивидуальный дух, в сверх-разумной полноте своей соприкасающийся с внутренним существом мира. Рационализм имеет дело всегда с вторичным, рационализированным, отвлеченно-рассеченным сознанием, и для него закрыт путь к сознанию первичному, живому, переживающему всю полноту бытия. Поэтому-то рационализм, выступающий под маской эмпиризма, признает только условный, рациональный, заключенный в пространственно-временную темницу опыт, опыт, огороженный высокими стенами категорий разума. И боится он смотреть прямо в глаза опыту трансцендентному, мистическому, разрывающему все грани и разрушающему все стены. В нашем национальном духе заложены задатки философии сверх-рационализма, сверх-разумности, и это сказывается в нашей мятешности, не вкладывающейся ни в какие рамы, в нашей тоске и томлении по новым, "иным мирам". Основы истинного индивидуализма заключены в философии и религии христианства. Только христианство поставило любовь и свободу выше всякого закона и судьбе индивидуального человека придало абсолютный смысл и значение. И мы хотели бы обрести его вновь, очищенным от исторических искажений. И думается мне, что мы имеем большие философские права объявить "борьбу за индивидуальность", так как не унижим личности отвлеченной рациональной нивелировкой. Михайловскому простится его рационализм за демократизм, за его упорную и неустанную думу о народе».

В фейсбуке:

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1096268727126690>

НЕКРОЛОГ

«Десятки лет Михайловский играл роль челюстей, которыми русский средний читатель пережевывал должную пищу его жесткую пищу западной науки, десятки лет Михайловский толковал, объяснял, критиковал, спорил, комментировал - до тех пор, покуда пища не оказывалась совершенно усвоенною»

А.В. Амфитеатров

Н.К. Михайловский скончался 10 февраля 1904 года в Санкт-Петербурге и был похоронен на Литераторских мостках Волковского кладбища. Приводим выдержки из некролога, написанного А.В. Амфитеатровым:

«...Смерть Николая Константиновича Михайловского - потеря невоспамятная и для литературы, и для общества. Быстрою, спешною заметкою я, конечно, не берусь не только исчерпать, но даже подробно наметить сложное значение покойного в русской общественной жизни последних трех десятилетий. Отошел в вечность бесспорный вождь и глава всей прогрессивной русской журналистики и последний сильный пророк позитивизма, приявший дух и знамя его от старших богатырей шестидесятых годов. Со знаменем этим Михайловский бодро стоял "на славном посту" над прахом отошедших в вечность старших товарищей. Общественные бури истрепали гордое, честное знамя в клочки, но Михайловский ни на миг не выпустил древка из рук, ни на пядь не отступил с давней, буйными боями завоеванной позиции. Пусть иные новые течения, стремясь вперед, пошли быстрее и обогнали Михайловского, - пусть для многих он слыл уже либеральным старовером! Иначе и быть не могло, и не должно быть: в том и прогресс, чтобы созревающие поколения опережали и исправляли поколения, созревшие и снимаемые временем с общественной полосы, как полный колос!.. Но и в самых спешных, самых передовых течениях не было и нет ни одного человека, который время от времени не оглядывался бы назад - посмотреть с тревожною любовью, как стоит на своем месте, будто незыблемая скала над потоком, старый, стойкий знаменосец, как колышется под встречным ветром над его седою головою старое, многострадальное, яркое знамя. Этот сорок с лишком лет непоколебимый флаг был маяком для отставших, куда им плыть, вдогонку века, а опередившие ценили в нем отправную точку, от которой они самостоятельно поплыли к новым берегам. И вот - уже не на кого оглянуться: опустел славный пост, рухнул старый знаменосец! Покройте же заслуженным знаменем гроб его и, по слову поэта, не сыпьте цветов на его могилу, а положите меч, потому что умер храбрый боец за человечество!

Нет сомнений, что смерть Михайловского вызовет целую литературу о нем. Десятки серьезных статей нужны, чтобы установить его характеристику и степень его влияния на русское общество как публициста, критика, философа-социолога. В высшей степени продуктивный, талант Михайловского был, по преимуществу, проверочным и перерабатывающим. Десятки лет Михайловский играл роль челюстей, которыми русский средний читатель пережевывал должную пищу его жесткую пищу западной науки, десятки лет Михайловский толковал, объяснял, критиковал, спорил, комментировал - до тех пор, покуда пища не оказывалась совершенно усвоенною. Он, так сказать, - крестный отец русского Дарвина и русского Огюста Конта. Но всего теснее имя Михайловского в России связано с именем Спенсера, которого Михайловский был полемическим толкователем и популяризатором. Спенсер как социолог был излюбленным мудрецом конца русского XIX века, в особенности восьмидесятых годов, и успешною пересадкою своей известности на нашу почву английский философ обязан, если не исключительно, то по преимуществу, Михайловскому. Михайловский и Спенсер

неразрывны в памяти русского читателя, - настолько, что даже и некоторые ошибки и произвольности в понимании Михайловским Спенсера вошли в русский интеллигентный обиход без проверки, как спенсеровы, и полемический Спенсер по Михайловскому в огромном большинстве читающих кругов до сих пор едва ли не более принят, чем Спенсер по Спенсеру.

Благородная последовательность и гражданская стойкость Н.К. Михайловского давно отличены благодарным вниманием всего русского общества, без различия лагерей и партий, как это и выразилось в беспримерно блестящем юбилейном торжестве его, когда знаменитому публицисту, вместе с восторженными друзьями, почтительно аплодировали и его давние идейные враги. Точно таким же прекрасным и, к сожалению, чрезвычайно редким зрелищем объединения всей русской печати были освящены теперь его погребальное шествие и его похоронный холм. Умерла некоторая великая любовь к русскому народу, и все, кто сами чувствуют в себе любовь к народу, как бы разны они и народ этот ни понимали, и любовь эту ни выражали, - все почувствовали потерю. Все, примиренные на мгновение, пошли с обнаженными головами за гробом отошедшего учителя, взвешивая в памяти слова его и чувствуя вместе с великою скорбью по мертвецу великую радость за живых: не оскудевает и не хилеет народ, который любят так беззаветно крепко, умно и смело, как любил русский народ Н.К. Михайловский!

Имя Михайловского стало на Руси символом литературной порядочности, а его авторитетное благословение - паспортом на принадлежность к передовому полку русского прогресса. И эта пассивная символичность Михайловского, особенно подчеркнутая в последний период его жизни, была для общества едва ли не столь же важна, как его кипучая, активная неутомимость. Он так долго поднимал вверх свое знамя, что наконец - для сотен тысяч читающих - слился с ним в один образ и стал сам знамем... "Человек - знамя!" - какой еще титул может звучать для публициста наградою выше, желаннее, благороднее?! А тут еще - и такое светлое, человеколюбивое знамя...

Русские прогрессивные публицисты-западники недолговечны. Коротки были сроки деятельности Белинского, Добролюбова, Писарева, оборванные смертью. На первых полусловах пришлось замолчать заживо умершему Чернышевскому. Герцена тоже слишком рано съела тоска изгойства, да и мало знает его, до сих пор запрещенного, читающая Россия... Н.К. Михайловскому природа послала сравнительно долгую жизнь и крепкие силы как бы для того, чтобы допеть недопетые песни молодых умиравших и рано замолкавших силачей, чтобы досказать и растолковать недоговоренные слова. Его часто укоряли в отсутствии оригинальности, язвительно подчеркивали, что Михайловский-де - не творец самостоятельных идей, но лишь

счастливый толмач старого идейного наследства. Но ведь и Моисей, когда спустился с Синая к стану израильскому, нес на скрижалях не свои, а продиктованные ему заповеди, что не помешало им остаться навеки в памяти и сознании народов заповедями Моисеевыми, а на фундаменте их вырос целый ряд религиозных, общественных и политических систем! Синай шестидесятих годов сквозь вихрь и гром реформ прошептал Михайловскому лучшие тайные слова своего идейного завета и отправил его в мир проповедовать воспринятую мудрость. И он проповедовал до последнего издыхания. И проповедовал так ярко и упорно, что огромная западническая идея шестидесятих годов, - в восьмидесятих, девяностых и вплоть до нашего года, - слилась с его именем в одно: она стала "идеей Михайловского". И берег он эту идею, как святой огонь на жертвеннике, и старый синайский свет самосознательной силы не переставал сиять на его непоклонной голове...

Теперь он погас... На чьем-то челе загорится!»

В фейсбуке:

<https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1099023536851209>